

А. Пушкин

МОЙ ТАЛИСМАН

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА
И БИОГРАФИЯ
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Перевод и биография поэта

ДЖУЛИАН ГЕНРИ ЛОУЭНФЕЛЬД

*

ИЗДАНИЕ НА ДВУХ ЯЗЫКАХ
С РИСУНКАМИ А.С. ПУШКИНА

МОСКВА
НО «ИЦ «МОСКВОВЕДЕНИЕ»
2015

MY TALISMAN

SELECTED VERSE
AND A BIOGRAPHY
OF ALEXANDER PUSHKIN

Translated, with a biography of the poet

by

JULIAN HENRY LOWENFELD

*

BILINGUAL EDITION
INCLUDING PUSHKIN'S DRAWINGS

MOSCOW
MOSKVOVEDENIYE
2015

СОДЕРЖАНИЕ

Note on the Text. <i>Julian Henry Lowenfeld</i>	15
A blessing. <i>Archimandrite Tikhon (Shevkunov)</i>	16
Pushkin set free. <i>Vsevolod Bagno</i>	17
A Russian heart. <i>Alexander Korobko</i>	19
A Meditation on Pushkin. <i>Julian Henry Lowenfeld</i>	21
Мой талисман. <i>А.С. Пушкин</i>	24
Introduction. <i>Julian Henry Lowenfeld</i>	26
A biography of the poet	47
ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА	125
I. ПЕСНИ МЛАДОСТИ	126
Певец	128
«Наперсница волшебной старины...»	130
Мой Portrait	132
Паж, или Пятнадцатый год	134
Царскосельская статуя	136
Евгений Онегин. Глава восьмая (Из неопубликованной версии)	138
Друзьям	142
В альбом Сосницкой	144
Дориде	146
На Аракчеева	148
«Краев чужих неопытный любитель...»	150
Вольность. Ода	152
Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность»	158
Тургеневу (отрывки)	160
Деревня	162
К Чаадаеву	166
II. ЮЖНЫЕ МЕЧТАНИЯ	168
«Погасло дневное светило...»	170
«Увы! зачем она блистает...»	174
«Редет облаков летучая гряда...»	176
Буря	178
Виноград	180
Гречанке	182
«В еврейской хижине лампада...»	184
«Я пережил свои желанья...»	186
«Умолкну скоро я. Но если в день печали...»	188
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»	190
Птичка	192

TABLE OF CONTENTS

Note on the Text. <i>Julian Henry Lowenfeld</i>	15
A blessing. <i>Archimandrite Tikhon (Shevkunov)</i>	16
Pushkin set free. <i>Vsevolod Bagno</i>	17
A Russian heart. <i>Alexander Korobko</i>	19
A Meditation on Pushkin. <i>Julian Henry Lowenfeld</i>	21
Deliver me, My Talisman. <i>Alexander Pushkin.</i> <i>Translated by Julian Henry Lowenfeld</i>	25
Introduction. <i>Julian Henry Lowenfeld</i>	26
A biography of the poet	47
SELECTED LYRIC POETRY OF ALEXANDER PUSHKIN	125
I. SONGS OF YOUTH	127
The Bard	129
My confidante of magical old times	131
My Portrait	133
The Page, or My Fifteenth Year	135
A Statue in Tsarskoye Selo	137
Eugene Onegin. Chapter VIII (From the Unpublished Verses)	139
To My Friends	143
In the Album of [the Actress] Sosnitskaya	145
To Dorida	147
Epigram about Arakcheyev	149
Of foreign lands an inexperienced lover	151
Ode to Liberty	153
To Princess Golitsyna, sent with the Ode to Liberty	159
To Turgenev (excerpts)	161
The Country	163
To Chaadayev	167
II. SOUTHERN IDYLLS	169
The day's last gleam fades out, is disappearing	171
Alas! Say, why is she so shining	175
The flying wisps of clouds are thinning, scattering far	177
The Storm	179
Grapes	181
To a Greek Girl	183
A lantern in a Jewish hovel	185
I have outgrown my aspirations	187
I will fall silent soon. But if, on days of sadness	189
My friend, I have forgot all trace of passing years	191
A Little Bird	193

Отрывки из путешествия Онегина (фрагмент)	194
Ночь	204
«В твою светлицу, друг мой нежный...»	206
«Ночной зефир...»	208
«Пред испанкой благородной...»	210
«Под небом голубым страны своей родной...»	212
«Для берегов отчизны дальной...»	214
Заклинание	216
Узник	218
«Надеждой сладостной младенчески дыша...»	220
Демон	222
К морю	224
III. МИХАЙЛОВСКАЯ ССЫЛКА	230
«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...»	232
Талисман	234
Сожженное письмо	236
Желание славы	238
Сцена из Фауста	240
Зимний вечер	248
«Сват Иван, как пить мы станем...»	250
«У Лукоморья дуб зеленый...»	252
«В крови горит огонь желанья...»	256
Зимнее утро	258
К*** («Я помню чудное мгновенье...»)	260
Признание	262
19 октября	266
Сцена из «Бориса Годунова»	276
«Цветы последние милей...»	296
«Если жизнь тебя обманет...»	298
IV. ВИХОРЕ СУДЬБЫ	300
Арион	302
И.И. Пущину	304
Послание в Сибирь	306
«Свободы сеятель пустынный...»	308
Анчар	310
19 октября 1827	314
Ек. Н. Ушаковой	316
На Булгарина	318
«В степи мирской, печальной и безбрежной...»	320
Вакхическая песня	322
V. РАЗДУМЬЯ	324
«Каков я прежде был, таков и ныне я...»	326
Няне	328
«Весна, весна, пора любви...»	330
«Еще дуют холодные ветры...»	332

Fragment from Onegin's Journey (Excerpts)	195
Night	205
For one last time, my friend so tender	207
Night's soft breeze	209
By a noble señorita	211
Beneath the light blue skies of her own native land	213
Bound for your homeland's distant shoreline	215
Invocation	217
The Captive	219
If sweet and youthful hope infused my every breath	221
The Demon	223
To the Sea	225
III. RUSTIC EXILE: MIKHAILOVSKOYE	231
A drizzly day's fizzed out; a drizzly night's dull haze	233
The Talisman	235
The Burnt Letter	237
Wish for Glory	239
Scene from Faust	241
A Winter Evening	249
Iván, dear coz', if we start drinking	251
A green oak tree's by a cove curving	253
My blood is blazing with desire	257
A Winter Morning	259
To*** (A wondrous moment I remember)	261
Confession	263
October 19th	267
Scene from Boris Godunov	277
The last late flowers are more dear	297
If, perchance, life should deceive you	299
IV. THE STORMS OF FATE	301
Arion	303
To Ivan Ivanovich Pushchin	305
A Message to Siberia	307
In lonesome wasteland freedom sowing	309
The Poison Tree	311
October 19, 1827	315
To Yekaterina Nikolayevna Ushakova	317
Epigram on Faddey Bulgarin	319
In this world's plain that stretches sad and endless	321
Bacchanalian Song	323
V. MEDITATIONS	325
The way I used to be, that way I still am now	327
To Nanny	329
Oh spring, oh spring, oh time of love	331
Winter's chill blasts of wind are still blowing	333

Вступление к поэме «Медный всадник»	334
Пир Петра Первого	340
«Город пышный, город бедный...»	344
«Счастлив, кто избран своенравно...»	346
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	348
Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы	350
«В начале жизни школу помню я...»	352
Цветок	356
«Дар напрасный, дар случайный...»	358
Воспоминание	360
Возрождение	362
«Когда порой вспоминаешь...»	364
VI. В ПУТИ	366
«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...»	368
Зимняя дорога	370
Телега жизни	372
Приметы	374
Конь	376
«Подъезжая под Ижоры...»	378
«Зима. Что делать нам в деревне?..»	380
Калмычке	384
Монастырь на Казбеке	386
«Не пой, красавица, при мне...»	388
«Зорю бьют... из рук моих...»	390
Делибаш	392
Туча	394
Предчувствие	396
«Чем чаще празднует Лицей...»	398
Бесы	402
VII. ОТ СЕРДЦА	406
Мадонна (Сонет)	408
«Что в имени тебе моем?..»	410
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	412
«Когда в объятия мои...»	414
Из «Сказки о царе Салтане»	416
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»	422
Красавица	424
«Я думал, сердце позабыло...»	426
К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...»)	428
«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»	430
«Я возмужал среди печальных бурь...»	432
«Когда б не смутное влеченье...»	434
«Простишь ли мне ревнивые мечты...»	436
VIII. И ЗАБЫВАЮ МИР...	438
«Близ мест, где царствует Венеция златая...»	440

The Prologue to The Bronze Horseman	335
The Feast of Peter the Great	341
Town so gorgeous, town of beggars	345
Oh blessed he picked with choice capricious	347
I loved you once, and still, perhaps, love's yearning	349
Written on a Sleepless Night	351
I still remember school when life began	353
The Flower	357
Gift so futile, gift so random	359
Remembrance	361
Rebirth	363
Sometimes when moody reminiscence	365
VI. ON THE ROAD	367
Let's leave, I'm ready now!	369
A Winter Road	371
The Cart of Life	373
Superstitions	375
The Steed	377
Round Izhora I was riding	379
A country winter. What's to do here?	381
To a Kalmyk Girl	385
The Monastery of Mount Kazbek	387
Oh beauty, do not sing to me	389
Dawn drums sound... From my hand tips	391
Delibash (The Turkish Captain)	393
The Cloud	395
Foreboding	397
The more we do commemorate	399
Demons	403
VII. FROM THE HEART	407
Madonna (A Sonnet)	409
What is there is my name for you?	411
Upon the Georgian hills there lies the haze of night	413
When in the grasp of my embrace	415
From The Tale of Tsar Saltan	417
No, I do not hold dear that pleasure so rebellious	423
Beauty	425
I thought my heart had long forgotten	427
To*** (No, no, it isn't right, I cannot, I don't dare)	429
It's time my friend, it's time!	431
In mournful storms I have become a man	433
If not for something murky gnawing	435
Will you forgive my jealous reverie	437
VIII. AND I FORGET THE WORLD...	439
Near lands where sovereignty of golden Venice rules	441

«Не дай мне Бог сойти с ума...»	442
Поэт	444
Эхо	446
Пророк	448
Поэту (Сонет)	450
Осень (отрывок)	452
«...Вновь я посетил...»	460
Из «Египетских ночей»	466
Клеопатра	468
«Когда за городом, задумчив, я брожу...»	474
«Отцы пустынноики и жены непорочны...»	476
(Из Пиндемонти)	478
Элегия	480
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»	482
Я памятник себе воздвиг нерукотворный	484
Труд	486
ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН (ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА)	488
Посвящение	488
Глава первая [Онегин]	490
Глава первая [«Ах, ножки, ножки!...»]	500
Глава первая [Онегин и Пушкин в Санкт-Петербурге]	506
Глава вторая [Ленский, Онегин, Татьяна]	516
Глава третья [Татьяна с няней]	540
Глава третья [Письмо Татьяны к Онегину]	550
Глава четвертая [Онегин и Татьяна в саду]	556
Глава пятая [Именины Татьяны]	572
Глава шестая [Дуэль]	582
Глава седьмая [На ярмарке невест]	604
Глава восьмая [Возвращение Онегина]	614
Глава восьмая [Письмо Онегина к Татьяне]	628
Глава восьмая [Окончание]	632
Благословение. <i>Архимандрит Тихон (Шевкунов)</i>	652
Освобожденный Пушкин. <i>Всеволод Багно</i>	653
Русское сердце. <i>Александр Коробко</i>	655
К дорогим русским читателям! <i>Джулиан Генри Лоуэнфельд</i>	656
Очерк «Мой талисман». <i>Джулиан Генри Лоуэнфельд</i>	657
<i>Биография поэта</i>	679
О Джулиане Генри Лоуэнфельде	756
Алфавитный указатель на английском	758
Алфавитный указатель на русском	763

May God forbid I go insane	443
The Poet	445
The Echo	447
The Prophet	449
To the Poet (A Sonnet)	451
Autumn (A Fragment)	453
...I came back again	461
From Egyptian Nights	467
Cleopatra	469
When past the city gates in wistful thought I roam	475
Our hermit fathers and our nuns blessed and blameless	477
From Pindemonte	479
Elegy	481
When through the noisy streets I wander	483
I've built myself a monument mere hands can't topple	485
Labor (upon completion of <i>Eugene Onegin</i>)	487
EXCERPTS FROM EUGENE ONEGIN	489
Dedication	489
Chapter I (Onegin)	491
Chapter I (The Pedal Digression)	501
Chapter I (Onegin and Pushkin in St. Petersburg)	507
Chapter II (Lensky, Onegin, Tatyana)	517
Chapter III (Tatyana and her Nanny)	541
Chapter III (Tatyana's Letter to Onegin)	551
Chapter IV (Onegin and Tatyana in the Garden)	557
Chapter V (Tatyana's Nameday Party)	573
Chapter VI (The Duel Between Lensky and Onegin)	583
Chapter VII (The Marketplace of Brides)	604
Chapter VIII (Onegin Returns)	615
Chapter VIII (Onegin's Letter to Tatyana)	629
Chapter VIII (Finale)	633
A blessing (Russian translation)	652
Pushkin set free (Russian translation)	653
A Russian heart (Russian translation)	655
For the Russian Reader! <i>Julian Henry Lowenfeld</i>	656
Introduction: My Talisman (Russian translation)	657
<i>A Biography of the Poet in Russian</i>	679
About Julian Henry Lowenfeld	757
Index of Titles and First Lines	758
Index of Titles and First Lines in Russian	763

NOTE ON THE TEXT

A fruitless quest for arid exactitude is the bane of most scholastic prose, as is the insatiable academic mania for footnotes. The two brothers who devised the main rival systems of Cyrillic transliteration into English, Sergey Yakobzon and Roman Jakobson, couldn't even agree how to spell the family name! Heedless of "system" and the bitter, ongoing academic fratricide, I care not who was right; it is better far to err on the side of readability and liveliness. So what if the names "Tchaikovsky" and "Chaadayev" in Russian both begin with the Cyrillic letter "Ч" and yet I spell them differently? Fiddledeedee!

Pushkin would surely have agreed with Ralph Waldo Emerson that "a foolish consistency is the hobgoblin of small minds." Speaking of inconsistencies, there are, as with Shakespeare, various slightly different editions of the Pushkin canon. This book follows the ten volume official edition of Pushkin's complete works published in Moscow in 1962 by the USSR Academy of Sciences' Institute of Russian Literature (Pushkin House).

I have also tried to avoid confusing English-language readers by omitting Russian patronymics, even referring to Pushkin's wife, Natalya Nikolayevna Goncharova, in the English version of the book simply as "Natalya." In the 19th century, naming another man's wife without the patronymic would have been unforgivable familiarity — grounds, perhaps, even for a duel. But this book is meant to cross the language barrier in the 21st century. Especially for foreigners whose languages lack them, patronymics can spur confusion. I refer offended purists to Pushkin's joking rebuke to Gogol, in a letter dated August 25, 1831: "Your Nadyezhda Nikolayevna, that is, my Natalya Nikolayevna, thanks you heartily for remembering her."

The winsome drawings in this book are all by Pushkin himself (unless otherwise indicated).

JULIAN HENRY LOWENFELD

Moscow 2015

A BLESSING

Russian literature is an acknowledged spiritual treasure trove of global culture. The whole world knows the great Russian geniuses of prose: Dostoyevsky, Tolstoy, Chekhov... But alas, our greatest treasure, Pushkin – “our all” – has remained a mystery wrapped within an enigma, trapped behind the precious veil of our language, impermeable to many seeking communion with our great Russian culture.

“Pushkin is untranslatable” has long been an axiom with which no one argues. After all, for nearly 200 years, though many (even such luminaries as Nabokov) have tried to translate him into any foreign language – no miracle yet has occurred. Pushkin has remained a mystery.

I do not take the word “miracle” lightly, but in this book you now hold in your hand, a miracle has indeed taken place. Finally a soul capable of feeling, understanding, and living alongside our great poet has appeared to transfer his incomparable majesty and depth into the language spoken by nearly half the planet. His name is Julian Henry Lowenfeld, and he has grasped Russia with all his soul, and believes in her. Though a born and bred American, he has become truly Russian at heart. And this is why he truly understands and feels “our all” just as we feel him, why he so successfully transports our spirit into the English language.

In Julian’s inspired translations, finally we hear “the spark of God, and inspiration, and life, and tears at last, and love” of our Pushkin. We can recognize and hear his grandeur, and depth, and warmth, his Christian compassion and capacity for love, which mark him as the foremost Russian genius. And reading the insightful and entertaining biography of the poet Pushkin, written with heartfelt understanding and love by a fellow poet, we understand in a new way “the universal sympathy of the Russian soul” so uniquely personified by Pushkin.

God grant that this book will be read throughout the entire world. It is very important indeed in these troubled times, when Russia and its history and culture are all too often deliberately demonized by some. All the more reason to rejoice that suddenly a wise and caring soul has appeared, who loves and understands “our all!”

With all my heart, I bless both this book and its author's spiritual mission.

PUSHKIN SET FREE

Will Pushkin always be “a captive of the Russian language?” It seems there is no other great writer in world literature who is valued so strikingly differently in his own country and beyond its borders. If we speak of the emblem of a national culture, then without doubt, both natives and educated foreigners, remembering Italy, will speak of Dante; remembering England, of Shakespeare, Germany, of Goethe, and Spain, of Cervantes. But if we speak of Russia, Russians will name Pushkin, while foreigners will name either Dostoyevsky or Tolstoy. Foreigners know Pushkin poorly because the translations they have of Pushkin are poor. Virginia Woolf remarked: “the great Russian writers are like men deprived by some earthquake or railway accident of all their clothes... what remains is a crude, abased and humiliated hint of the initial meaning.” The great French Slavist Georges Nivat agrees: “Pushkin has suffered from this mistreatment more than anyone. All extant translations of his poetry are simply frightful, both dry and replete with the crudest mistakes. The brilliant pupil of Arina Rodionovna and Benjamin Constant above all stuns us with his paradoxical simplicity and natural ease, which hitherto nobody has ever managed to convey into a foreign culture. And so, Pushkin remains unknown.”

This leads us to expect of any translator of our national poet not just the obvious professional minimum of scrupulous exactitude and complete scientific approach, but no less than an embodied miracle. We expect the kind of Pushkin we know ourselves, in which the brilliance of the poetry shines out for all, and not just for a small group of academics, so that anyone whose soul is filled with yearning could feel in Pushkin what Nabokov called “that particular Pushkinian state in which you feel yourself somewhere, somehow, anyhow, locked in union with a higher, deeper, power, someplace where art, curiosity, tenderness, grace, and joy are the norm.”

This norm is finally found in the inspired work of the American poet and translator Julian Henry Lowenfeld. His translations keep the original’s music, rhythms, rhymes, without ever losing their freedom. The amazing depth, clarity, sparkling intelligence, and warmth of Pushkin’s verse are faithfully preserved in Lowenfeld’s brilliant translations. And it is not just that the rhythms, rhymes, and shades of meaning completely match the original, and not even that the exact number of syllables and their stresses strong and weak are kept with

effortless exactitude, which is, I might add, totally uncharacteristic of all other English translations. No, the entire voice and music of Pushkin's voice is preserved with uncanny aptitude and love.

"We will be hollering to each other with Pushkin's name," prophesied the poet Khodasevich. And now we will be able to holler all over the world. For Lowenfeld has translated Pushkin not just into the English language, but into the English language of Keats and Byron. It is because of this that the significance of this translation is difficult to overestimate.

Marina Tsvetaeva wrote to Paul Valéry in 1936: "They say Pushkin is untranslatable...How can something be untranslatable when it has already been translated into words once already? Is not verse above all the expression in human language of the inexpressible, an embassy in human speech of the divine, the ineffable? Ah, yes, but the translator of this translator must first of all be a poet himself."

In this book, at last a poet has translated a poet, an American poet has grasped our Russian bard, and as a poet, has he heard and conveyed in his own native tongue what Pushkin what once heard and gave to us in ours.

VSEVOLOD BAGNO

*Director, Institute of Russian Literature,
Pushkin House, Russian Academy of Sciences
St. Petersburg*

A RUSSIAN HEART

Our planet speeds through space at 30 km/s – these days, even faster, so it seems. To keep my balance, I personally like to reread my favorite lines of Pushkin:

'Neath blue cerulean heavens' gleaming,
In wondrous carpets, softly keening,
In sunlight sparkling, the snow lies.
Transparent woods are all that darkens.
The fir greens o'er the frost and harkens,
The river shines beneath the ice.
And our whole room, with amber sparkling,
Gleams in the sun.

Pushkin is simultaneously a Russian and a universal poet. Through his verse we soar up into "the Russian heavens." Julian Lowenfeld's translations help us Russians as well as foreigners to know him better, as we see him from a newer angle. This fits our mission at "The Russian Hour" – to reveal the real beauty of Russia, its culture, and its language, whose shining star is Pushkin.

The cultures of Russia, Britain, and America traditionally have complemented and nourished one another, as we know from the magnificent Russian "Sherlock Holmes," the British film version of Eugene Onegin, the American film classic War & Peace, Tchaikovsky's War of 1812 Overture on the 4th of July, Borodin's Polovetsian Dances (and their hit remake in American rap style), Shakespeare, Whitman, and Burns in brilliant Russian translations... And now comes this marvelous book you hold in your hands by an American poet with a Russian heart. These days in Russia the translator is more than just the translator – especially Julian Lowenfeld!

I congratulate him and you, his reader.

ALEXANDER KOROBKO

The Russian Hour (Project Sponsor)

A MEDITATION ON PUSHKIN

*И.Е. Репин, И.К. Айвазовский
Пушкин у моря. «Прощай, свободная стихия!»
Ilya Repin and Ivan Aivazovsky
Pushkin by the Sea. “Farewell, farewell, free force of nature!”*

What good is poetry?
 What good are songs when madmen capture power in the asylum? –
 When books burn, and soon their readers?
 With so much suffering in the world
 How can melancholy dreamy spirits
 Fight with an inferno? What is one man against an army,
 One freak of kindness in a sea of hatred?

Too often the unthinkable is common,
 Too casually the unspeakable slips from our lips;
 Long for no “good old days;” – the histories of this world
 Prove over and again what Shakespeare knew too well:
 “Humanity must perforce prey upon itself,
 Like monsters of the deep.”

The more I cease to disbelieve that such things happen,
 The more that cruelty seems commonplace,
 The more I’m numbed; there’s no more left in me to feel or sleep,
 The sun itself seems dark as it begins to rise,
 The moon seems counterfeit,
 Whatever stars gleamed through the anguished fog fade faster away,
 Leaving neither day nor night,
 Just an empty, senseless blight.

And yet, in my despair, I always turn to you,
 “My very first and priceless friend”
 (Whom I’ve never met, yet have carried so close to my heart
 These many years of folly and self-doubting),
 My high priest and my heretic,
 My seer, my sage, my fool – my talisman:
 I seek your portrait hung above my desk,
 And look into your keen, warm, dancing eyes, and ask:
 “What can a poem do against machine guns?
 What verses about flowers hinder murders?
 What right have we, the children of the few spared,
 To steal joy from our grief
 And treasure even this pale gleam of morning
 Denied to so many?”

You answer:

One poet's longing brightens night's faint stars,
Provokes the nightingales to wake and sing.
One poet's longing,
One poet's gentle sobbing brings back spring!
One poet's listening deep within,
And singing into a blizzard, even a bit off key,
Sets off cathedral bells, cures numbness and soul-blindness,
Thaws mighty harbors, frees great rivers' flow,
Cracks the thickest ice in the coldest heart...

What, warmest heart, was in your overpowering lightness,
So crystal clear yet deep as an enormous Lake Baikal of the soul,
Washing away the meaningless from the serene,
Leaving me keen and crying?
...Sometimes, like you, I've walked alone by the sea,
Felt its endless urging and churning crashing within me,
Wild wind in my hair, champagne-cold hissing foam chilling
And bracing, tugging sand from beneath numbed toes,
And odd tears came from some temple of the sublime
And melancholy where you abided always...

I too have longed to flee from everyone who cannot hear
That sound of that sea, those waves of love, as you did!
And, taking comfort in my own oceanic language,
I've tried to help your bright sun at long last
Shine forth in another climate.
Where I've failed, the fault's all mine:
"...But here's
A partial, feeble rendering,
A pallid print of a live picture..."

Yet if, sometimes, just slightly, here and there,
Your warmth beams through the dark windows of a foreign tongue –
Springs like a small white flower, improbable and alone,
I saw once, stubborn in the crack of the concrete
On a pedestal of a forgotten monument to you,
In a wistful meadow, by an autumn wood,
By a lake in the blissful, misty middle of nowhere,
If ever once this book helps someone smile,

Moves the disconsolate to stop and listen
To the true heart's silence,
That drinks in poetry like waters healing,
If ever once this book reveals your joy,
Then this "sacred sacrifice" of hours to you devoted,
Filched from vain pursuits, in search
Of an echo of your spark ineffable,
Will be but the first faintest, slightest token
Of what you've meant to me.

JULIAN HENRY LOWENFELD

МОЙ ТАЛИСМАН

Храни меня, мой талисман,
 Храни меня во дни гоненья,
 Во дни раскаянья, волненья:
 Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
 Вокруг меня валы ревучи,
 Когда грозою грянут тучи,
 Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
 На лоне скучного покоя,
 В тревоге пламенного боя
 Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
 Души волшебное светило...
 Оно сокрылось, изменило...
 Храни меня, мой талисман.

Пусть же ввек сердечных ран
 Не растравит воспоминанье.
 Прощай, надежда; спи, желанье;
 Храни меня, мой талисман.

MY TALISMAN

Deliver me, my talisman.
 Deliver me from fear and fleeing,
 Days of remorse and worry healing:
 On a sad day you clasped my hand.

When rising by the ocean strand
 The waves around me crash in pounding,
 And when with lightning clouds are sounding,
 Deliver me, my talisman.

Lost in seclusion, in strange lands,
 In boredom's lull my bosom taming,
 In the alarm of battle flaming,
 Deliver me, my talisman.

You are my soul's own magic lamp,
 You sweet and sacred trickery,
 When you drop down, are flickering!
 Deliver me, my talisman.

Wounds of the heart help me withstand
 Forever; bad memories burn with fire!
 Farewell, fond Hope; and sleep, Desire;
 Deliver me, my talisman.

Alexander Pushkin. Self-portrait

INTRODUCTION

Under Stalin's Terror, as millions died in prisons and camps, the Soviet secret police often made its daily quota of arrests at three in the morning, grabbing victims when they were surest to be groggy and unable to resist. Imagine for a moment being "back in the USSR" at this cruel time: the dread knock on the door, rude men crudely taking you away, without pity, without explanations. You'll probably never see home and family again...You've got just a few seconds before being swept into the merciless whirlwind of history...What do you do? The great Russian poetess Anna Akhmatova recorded how the last free act of countless Russians upon arrest was to clutch at a pocket book of Pushkin's poetry for solace on their fateful journeys.

Pushkin's poetry for many Russians is literally their talisman of hope. A dear friend of mine (now in England), during the height of the Cold War, risked his life fleeing through the bare strip of no man's land from East to West Berlin — taking with him nothing but a small book of Pushkin's verse in his pocket. In World War II, countless such books were found on battlefields from the Arctic to the Black Sea, from the Volga to the Elbe, sometimes bloodstained, or pierced with bullet holes, or scarred by shrapnel. So literally close to their hearts — and so very deep in the depths of the celebrated "Russian soul" is Pushkin!

Of heaven's realm on Earth a witness,
 With all within my soul on fire,
 I sang before the throne of goodness
 That warmth and beauty did inspire.
 And love and secret inner freedom
 Taught my heart hymns and honest tales.
 My voice, which never was for sale,
 Expressed the Russian people's yearning.

Pushkin's "love and secret inner freedom," that soul-freedom, which no worldly power can take away, have been the Russian soul's beacon of light in the darkness, its sacred talisman for all life's fateful journeys. Now (here and there — in Moscow, at least) some statues of Lenin have been torn down, as the statues of the Tsars were before them. It's not clear what new statues — if any — will ever take their place on the empty pedestals of now-bankrupt ideals. But on more than 500 monuments to Pushkin throughout Russia, even on the bitterest, coldest days of winter, you will always find fresh flowers.

For Russians "Pushkin is our all". He is the very lodestar of the Russian culture and the creator of the Russian literary language. Gogol, Tolstoy, Dostoyevsky, Chekhov (the Russian writers best known in the West) all acknowledged themselves Pushkin's heirs and literary debtors. To Gogol, "Pushkin is an extraordinary phenomenon, perhaps the only true expression of the essential Russian spirit;" to Dostoyevsky, Pushkin was "the height of artistic perfection." Tolstoy wrote that he gained mastery of his craft by intense study of Pushkin's *Tales of Belkin*, and, wishing to praise Chekhov's genius, called him "Pushkin in prose." Truly, from Pushkin Chekhov inherited many of the qualities we now consider innately Chekhovian (deep, passionate emotions subdued with ironic intensity into a few words of unadorned, almost simple, stylistic grace, an absence of any overt preaching, just sympathy and understanding). For Russian poets from Lermontov and Tyutchev to Bely, Blok, Mandelstam, Mayakovsky, Akhmatova, Tsvetayeva, and Yesenin, a passionate devotion to Pushkin was something akin to religion.

Pushkin is the "Prophet" of Russian literature, the giver of its law, of its breadth, depth, richness of expression. In Russia, to this day, the poems of Pushkin still "burn people's hearts up with his word." Yet, while Russians revere Pushkin as English-speakers do Shakespeare, the West knows Pushkin far less well than it knows his literary heirs. The incomparable mastery of Pushkin's art has eluded translation, leaving even educated people in the West sometimes wondering vaguely whether perhaps Pushkin was Tchaikovsky's librettist. That would be like calling Shakespeare the "librettist" for various Verdi operas!

It is hard to describe Pushkin's magic to non-Russians. His genius in its sublimity compares with Mozart's: miraculous, prodigious feats of creativity, wrought with seemingly effortless, seamless grace, evocative power, warmth, wit, passion, sheer musicality, inventive rhythmic swing, and rhyming playfulness — and all imbued with a certain divine purity, a wisdom born of innocence, a childlike, sweet, direct, natural, vigorous, limpid, language — which is, alas, all the more mysteriously difficult to translate for its simplicity and clarity.

If only everyone so felt the power
 Of harmony! But no! For then indeed
 The world could not exist. No one would think
 To bother for the lowly needs of living;

A BIOGRAPHY OF THE POET

What is a poet? Someone who writes poems? Of course not. One is a poet not just because one writes poems, but one writes poems, harmonizing words and sounds – because one is a child of harmony – because one is a poet.

Alexander Blok. The Poet's Mission

Childhood. 1799–1811

Alexander Sergeyevich Pushkin was born in Moscow on June 6, 1799. (At least in the West. In Russia it was May 26, 1799, according to the Julian calendar used there till 1918; all further dates will be given as Pushkin himself experienced them, “in the old style.”) The poet’s father, Sergey Lvovich Pushkin, came from an illustrious, if impoverished, noble family. The poet’s mother Nadyezhda Osipovna, née Gannibal, had been kidnapped in childhood from Central Africa, sold by slave traders to the Turks, and then bought and sent as a “gift” to Tsar Peter the Great. Peter baptized the boy Abraham, raised him fondly, and, seeing his aptitude, made him his personal assistant, then sent him to study military engineering in France. Abraham became Russia’s chief fortress builder (he helped construct Kronshtadt and Revel), and wrote several textbooks in French on mathematics and the science of fortification. Proud of his African heritage, he chose his surname in honor of the great Carthaginian general Hannibal (Gannibal in Russian, which lacks a letter “h”). Twice decorated for valor, he retired *General en Chef* of the Imperial Russian Army. Empress Elizabeth, Peter’s daughter, endowed him with estates, including Mikhailovskoye, in Pskov Province. And so a former slave became a Russian nobleman – himself the owner of 800 white slaves (serfs). Pushkin inherited many of his great-grandfather’s African features: thick lips, curly, frizzy hair, and, as novelist Ilya Goncharov delicately recalled, a “tan” complexion. Pushkin later kept an inkwell on his desk with a statuette of a Negro slave unloading cotton bales, and he often joked about being a “Moor.”

Why does your pencil so divine
Attempt to draw my Moorish profile?

Writers and poets frequented the Pushkin home, including Pushkin’s uncle Vasily Lvovich (“You are my uncle even on Parnassus,” his nephew later wrote). Pushkin’s father was known for his wit, his mainly French language library, one of the best in Moscow, and for his literary salons,

Coat of arms of the Pushkin family

in which he read Molière aloud, with lively aplomb. Pushkin's mother was also fond of reading aloud to her children, and, in Pushkin's phrase: "Reading is the best teaching." If his family had not breathed with love for poetry, for the glories of European culture, and for Russian culture too, it is doubtful the boy's genius would have developed as it did.

Yet most biographers and memoirists are critical of Pushkin's parents. "Sergey Lvovich was a tender father, but all tenderness shrank at spending money; he was extremely miserly," recalled Pushkin's friend Prince Peter Vyazemsky. The chance breaking of a little glass costing 35 kopecks sufficed to put him in a great rage all day, and "he never gave the slightest help to his son Alexander, in his entire life sparing him barely 500 rubles in notes — though in his own way he was very proud of his son's successes," wrote biographer Mikhail Semevsky. His mother is depicted as charming but neglectful and moody. "She could sulk for days, months, even years," one grandson recalled. In fairness, eight surviving children (of whom Pushkin was the second; five others died in infancy) would be hard for anyone to handle, though for some reason she favored the poet's younger brother Lev, and was noticeably unaffectionate with that *enfant terrible*, her restless, brilliant eldest son, Alexander. Some degree of connective warmth between the poet and his mother seems to have been attained only in their last few years of life. One senses in many of Pushkin's deepest love lyrics a grieving and yearning for the mother he missed in childhood. It does not seem coincidence that in a semi-autobiographic sketch, *A Russian Pelham*, the poet portrayed himself as motherless. And as to his father:

My time under my father's roof has left nothing pleasant in my imagination. Father, of course, loved me, but didn't have the slightest interest in me, and left me to the care of various French tutors, who were constantly being hired and fired. My very first *gouverneur* was a drunkard, the second, though neither stupid nor uneducated, could fly into such rages that he once tried to murder me with a log for spilling a few drops of ink onto his waistcoat. The third, kept in our house for a whole year, was totally insane.

Is there a hint of Pushkin's childhood in his description of the young Tatyana? (*Eugene Onegin*, Chapter II, xxv)

Unnatural, saddened, and withdrawn,
As frightened as a forest fawn,
She seemed in her own family
A foundling, strange entirely.

Does this explain his irony towards his "near and dear ones?"

What does that mean, our near and dear ones?
Our near and dear ones are just these ones:
The ones we are obliged to kiss,
Caress, and love, and warmly miss,
Also, by custom and good cheer,
On Christmas we should pay them calls,
At least by mail should send them cards,
So all the rest of all the year
They'll never even think of us!
And so, God grant them health, I trust! (*E.O.* IV, xx)

Yet he wrote warm poems for his maternal grandmother Maria Alekseyevna and serf-nanny Arina Rodionovna, who once, out walking his pram in the park, got scolded by Tsar Paul I for not doffing to remove the boy's baby cap in the august presence of the Sovereign (an omen, perhaps, of problems to come). It was these strong women who taught him Russian (the first language of much of the Russian nobility back then was French). Childhood summers he spent in grandmother's country house in Zakharovo, near Moscow, by the ancestral lands of Tsar Boris Godunov. One senses the maternal warmth and affection given him by his nanny and grandmother merged in his perception with great storytelling and love into the sounds of the Russian language itself.

Of Mamushka could I not say a word,
Of nights mysterious made so bright by her
In her old night-cap, and her threadbare gown
Driving bad spirits off with prayers, frowns,
Devoted, crossing herself o'er my bed?
And then in whispers telling stories dread
Of bandits, ghosts, the great Bová, the dead
Who walked...Frozen in fear, with bated breath,
I'd listen, shudder, hug my quilt to death,
Could feel no more my toes, my feet, my head,
The icon's candle in a lamp of clay
Lit up her face and made its wrinkles play...

Even without dread tales, Pushkin seems to have had trouble sleeping at times. (See *I can't sleep; fire's out, no light* or *Remembrance*.) Insomnia may be one of poetry's occupational hazards. One day when he was nine, Grandmother found him up before dawn, wandering the house entranced, saying: "I am writing poems."

Yet it is meet that lovers meeting should stand sometimes with flowers near where Pushkin stands, by those central arteries, in the very heart of Moscow, the heart of Russia, the city where the poet was born and married. When after construction his monument was moved, it ended up on a little mound, turned aside from the nearby Kremlin. As ever, he pays no heed to that great seat of power; instead, with majestic melancholy, he gazes at the constant stream of everyday humanity spilling in and out of perhaps the busiest single branch of McDonald's in the entire world.

As a poet myself, I am sentimentally attached to Pushkin Square; how much joy and grief it has brought me! Yet few places on Earth are quite as soulful and serene as the graveyard in the Svyatogorsky Monastery where Pushkin rests by his mother, where:

Above the solid graves an oak stands, broad boughs spanning
With quivering, rustling leaves.

What peacefulness and love abide there, what grace and dignity! A grave is ever a place of quiet mourning and wordless contemplation. Yet I have stood by Pushkin's grave, and felt an odd lightness in the heart, a mysterious warmth and inner comfort which no logic could explain... As if this great soul – this "soul in sacred lyre" – has there received at long last – at least from Mother Nature – that one true maternal, ever-caring, ever-feminine love he was always seeking.

And though the body without feeling
Will wither anywhere and keep,
Yet closer to a place endearing
Is where I feel I'd rather sleep.

I'd like, if by my graveyard's entrance,
A sweet young life would bloom and play,
And nature, shining with indifference,
Forever beauty would display.

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
SELECTED LYRIC POETRY
OF ALEXANDER PUSHKIN

I. ПЕСНИ МЛАДОСТИ

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?

I. SONGS OF YOUTH

Have you not heard his voice through groves at night –
The bard of love, the bard of his own sorrow?

ПЕВЕЦ

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
 Певца любви, певца своей печали?
 Когда поля в час утренний молчали,
 Свирели звук унылый и простой
 Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
 Певца любви, певца своей печали?
 Следы ли слез, улыбку ль замечали,
 Иль тихий взор, исполненный тоской,
 Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
 Певца любви, певца своей печали?
 Когда в лесах вы юношу видали,
 Встречая взор его потухших глаз,
 Вздохнули ль вы?

THE BARD

Have you not heard his voice through groves at night –
 The bard of love, the bard of his own sorrow?
 When silent fields did wake upon the morrow,
 That sound so sad and simple of his pipe –
 Have you not heard?

Have you not met in bare dark forest bleak
 The bard of love, the bard of his own sorrow?
 Did you his hints of tears, his smiles not follow,
 His quiet glance, his eyes consumed with grief –
 Have you not met?

Have you not sighed, hearing his quiet voice,
 The bard of love, the bard of his own sorrow?
 When you looked at that youth in wooded hollow,
 And met the gaze of his despondent eyes
 Have you not sighed?

Наперсница волшебной старины,
 Друг вымыслов игривых и печальных,
 Тебя я знал во дни моей весны,
 Во дни утех и снов первоначальных.
 Я ждал тебя; в вечерней тишине
 Являлась ты веселою старушкой,
 И надо мной сидела в шушуне,
 В больших очках и с резвою гремушкой.
 Ты, детскую качая колыбель,
 Мой юный слух напевами пленила
 И меж пелен оставила свирель,
 Которую сама заворожила.
 Младенчество прошло, как легкий сон.
 Ты отрока беспечного любила,
 Среди важных муз тебя лишь помнил он,
 И ты его тихонько посетила;
 Но тот ли был твой образ, твой убор?
 Как мило ты, как быстро изменилась!
 Каким огнем улыбка оживилась!
 Каким огнем блеснул приветный взор!
 Покров, клубясь волною непослушной,
 Чуть осенял твой стан полувоздушный;
 Вся в локонах, обвитая венком,
 Прелестницы глава благоухала;
 Грудь белая под желтым жемчугом
 Румянилась и тихо трепетала...

My confidante of magical old times,
 Friend of my fancies playful, melancholy,
 I knew you in the springtime of my life,
 In my first dreams and frolics jolly.
 I'd wait for you; in evening's quiet rest
 You would appear, a laughing, merry granny,
 And sit by me, wrapped in your peasant dress,
 Wearing huge glasses, playful rattle clanging.
 And as you rocked my cradle tenderly
 You captivated my young ear with song,
 And in my cradle left a pipe for me,
 Which you yourself entranced with magic charm.
 As childhood passed by, light as a light dream,
 You then loved a young man, a carefree spirit,
 Of all great Muses you alone did he
 Remember later, when you'd sneak a visit.
 But was it really you, your dress, your form?
 How sweetly now, how quickly you'd transformed!
 What fire lit up your smile as — through my door —
 What fire in looks of welcome blazed; what storm!
 Your cape that swirled in stirred-up waves contrary
 So slightly veiled your lithe frame, almost airy,
 Sweet your locks flowed, wreathed once more in a curl,
 Your face of an enchantress, fragrant sweetly,
 Your bosom whitened 'neath a yellow pearl,
 Blushed red and glowed, while seething quietly...

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

Берег моря. Фауст и Мефистофель.

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зеваает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст

Сухая шутка!

Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

Мефистофель

Доволен будь

Ты доказательством рассудка.
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновение души.
Я психолог... о вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над *Виргилием* дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?

SCENE FROM FAUST

Faust and Mephistopheles by the seashore.

Faust

Demon, I'm bored.

Mephistopheles

What of it, Faust?

Such is the bound you're bound to bear.
And there is none who oversteps it.
All clever creatures end up fretting:
Some boredom bores — and some affairs,
One's faithful, one has lost all faith.
One never got of lust his share,
One's shares of pleasures was too great.
Yet all are yawning, all live on,
And for them all the grave does yawn.
So you yawn too.

Faust

How dry that joke is!

Find me some manner nonetheless
To keep amused.

Mephistopheles

Just be content

At this, the proof of your own reason.
Write in your album, if you please,
Fastidium est quies. Tedium
In truth is but the soul's release.
I'm a psychologist: It's science, really!
Tell me: when was it you weren't bored?
Think well. Search in your memory. Own up!
Remember how o'er *Virgil* you once snored
And only caning woke your wit up?
Or how once roses from you poured
Forth, on eager girls to shower over,
Carousing loud, for them songs roared
With lust from last night's hangover?

У лукоморья дуб зеленый*;
 Златая цепь на дубе том:
 И днем и ночью кот ученый
 Всѣ ходит по цепи кругом;
 Идет направо – песнь заводит,
 Налево – сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
 Русалка на ветвях сидит;
 Там на неведомых дорожках
 Следы невиданных зверей;
 Избушка там на курьих ножках
 Стоит без окон, без дверей;
 Там лес и дол видений полны;
 Там о заре прихлынут волны
 На брег песчаный и пустой,
 И тридцать витязей прекрасных
 Чредой из вод выходят ясных,
 И с ними дядька их морской;
 Там королевич мимоходом
 Пленяет грозного царя;
 Там в облаках перед народом
 Через леса, через моря
 Колдун несет богатыря;
 В темнице там царевна тужит,
 А бурый волк ей верно служит;
 Там ступа с Бабою Ягой
 Идет, бредет сама собой;
 Там царь Кашей над золотом чахнет;
 Там русский дух... там Русью пахнет!

* Вступление к «Руслану и Людмиле»ю

A green oak tree's by a cove curving*;
 A gold chain on that oak is found,
 And night and day a cat most learnèd
 Walks by that chain, around, around,
 When he walks right, sweet songs intoning,
 When leftwards, tells a fairy tale.

Wonders are there, wood-sprites are roaming,
 Mermaids from branches hang their tail,
 On paths of which no one has knowledge
 Of unseen beasts there lurk the spoors,
 On chicken legs, a little cottage
 Stands without windows, without doors.
 With visions wood and dale are yawning,
 There waves come crashing at light's dawning
 Upon the sandy, empty beach,
 And thirty knights, in armor gorgeous,
 The clear sea one by one disgorges
 With their sea-sword-coach, them to teach.
 And there a king's son, that way chancing,
 A long-feared Tsar does captive seize,
 There past the people, past clouds passing,
 Right through the woods, right through the seas,
 A wizard bears a knight with ease.
 A princess there's in prison pining,
 A brown wolf faithful by her lying,
 There Baba Yaga's mortar dread
 Itself, with her inside, does tread.
 There Tsar Kashey on his gold moulders,
 There Russian scents of Rus' give odors!

* The Prologue to *Ruslan and Lyudmila*.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
 Еще ты дремлешь, друг прелестный –
 Пора, красавица, проснись:
 Открой сомкнуты негой взоры
 Навстречу северной Авроры,
 Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
 На мутном небе мгла носилась;
 Луна, как бледное пятно,
 Сквозь тучи мрачные желтела,
 И ты печальная сидела –
 А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
 Великолепными коврами,
 Блестя на солнце, снег лежит;
 Прозрачный лес один чернеет,
 И ель сквозь иней зеленеет,
 И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
 Озарена. Веселым треском
 Трещит затопленная печь.
 Приятно думать у лежанки.
 Но знаешь: не велеть ли в санки
 Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
 Друг милый, предадимся бегу
 Нетерпеливого коня
 И навестим поля пустые,
 Леса, недавно столь густые,
 И берег, милый для меня.

A WINTER MORNING

It's frost and sunshine – morning wondrous! –
 My lovely friend, that sweetly slumbers –
 It's time, my beauty, open your eyes!
 Open wide your bliss enveloped gazing,
 And to the North's Aurora blazing,
 As the North Star come forth, arise!

Last night, remember snowstorm's raging?
 In murky skies that gloom rampaging?
 The moon was but a faint, pale stain.
 Through gloomy clouds it yellowed, flitting.
 And, oh, how sadly you were sitting!
 And now – look out our windowpane!

'Neath blue cerulean heavens' gleaming,
 In wondrous carpets, softly keening,
 In sunlight sparkling, the snow lies.
 Transparent woods are all that darkens.
 The fir greens o'er the frost and harkens,
 The river shines beneath the ice.

And our whole room, with amber sparkling,
 Gleams in the dawn. With merry gargling
 The hearth-stove crackles, wood piled high.
 It's pleasant lying in bed thinking.
 But say, though, shouldn't we be ringing
 To yoke the brown mare to the sleigh?

As we on morning snow go sliding,
 My darling, feeling the full riding,
 As our horse runs impatiently,
 We'll see the fields, their barren bleakness,
 The woods, which recently were leafy,
 The lakeshore, that's so dear to me.

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

ТО***

A wondrous moment I remember:
Before me once you did appear;
A fleeting vision you resembled
Of beauty's genius pure and clear.

By grief and languor hopeless rendered,
Beset by noisy vanity,
Long time in me your voice rang tender,
Of your dear features were my dreams.

Years passed. Rebellious storm winds sundered
And scattered hopes that used to be,
And I forgot your voice so tender,
Your features dear and heavenly.

In gloom of backwoods' isolation,
My days dragged by, a silent drudge,
Without God's spark or inspiration,
Or tears, or any life, or love.

My soul awoke in precognition:
And once again you did appear,
Resembling a fleeting vision
Of beauty's genius pure and clear.

And now my heart beats in elation!
And resurrected soar above
The spark of God, and inspiration,
And life, and tears at last, and love.

СЦЕНА ИЗ «БОРИСА ГОДУНОВА»

НОЧЬ. САД. ФОНТАН

*Самозванец**(входит)*

Вот и фонтан; она сюда придет.
 Я, кажется, рожден не боязливым;
 Перед собой вблизи видал я смерть,
 Пред смертью душа не содрогалась.
 Мне вечная неволя угрожала,
 За мной гнались — я духом не смутился
 И дерзостью неволи избежал.
 Но что ж теперь теснит мое дыханье?
 Что значит сей неодолимый трепет?
 Иль это дрожь желаний напряженных?
 Нет — это страх. День целый ожидал
 Я тайного свидания с Мариной,
 Обдумывал всё то, что ей скажу,
 Как обольщу ее надменный ум,
 Как назову московскою царицей, —
 Но час настал — и ничего не помню.
 Не нахожу затверженных речей;
 Любовь мутит мое воображенье...
 Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише...
 Нет, это свет обманчивой луны,
 И прошумел здесь ветерок.

*Марина**(входит)*

Царевич!

Самозванец

Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

SCENE FROM BORIS GODUNOV

NIGHT. A GARDEN. A FOUNTAIN

*The Pretender**(enters)*

The fountain's here. And here is where she'll come.
 It seems to me I wasn't born a coward;
 Flashing before me close I have seen death.
 And before death my soul has never quavered.
 By slavery forever I've been threatened,
 I've been chased down; my spirit was unfailing,
 With daring I escaped unfreedom's bonds.
 So now what is it so stops up my breathing?
 What is this tremor I can't overpower?
 Is it suppressed desire that in me trembles?
 No — it is fear. The whole day I did wait
 For this brief secret tryst now with Marina,
 And weighed within my mind all I would say,
 How I'd seduce her proud and haughty mind,
 And christen her the Empress of great Moscow,
 But now's the time, and I remember nothing.
 I've quite forgot those speeches I made up,
 And love casts murk on my imagination.
 But something just flashed by! It's swishing!.. Quiet!
 No, it's the light of the deceitful moon,
 A little breeze blew lightly by...

*Marina**(enters)*

Tsarevich!

Pretender

It's her! Now all the blood's stopped up inside me!

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

На берегу пустынных волн
 Стоял он, дум великих полн,
 И вдаль глядел. Пред ним широко
 Река неслася; бедный чёлн
 По ней стремился одиноко.
 По мшистым, топким берегам
 Чернели избы здесь и там,
 Приют убогого чухонца;
 И лес, неведомый лучам
 В тумане спрятанного солнца,
 Кругом шумел.

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу,
 Здесь будет город заложен
 На зло надменному соседу.
 Природой здесь нам суждено
 В Европу прорубить окно,
 Ногою твердой стать при море.
 Сюда по новым им волнам
 Все флаги в гости будут к нам,
 И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
 Полночных стран краса и диво,
 Из тьмы лесов, из топи блат
 Вознесся пышно, горделиво;
 Где прежде финский рыболов,
 Печальный пасынок природы,
 Один у низких берегов
 Бросал в неведомые воды
 Свой ветхий невод, ныне там
 По оживленным берегам

THE PROLOGUE TO THE BRONZE HORSEMAN

By coasts where desolate crash the waves
 Stood he, filled full of grand thoughts brave,
 And looked afar. Before him only
 The broad flood flowed, bare river – save
 One poor skiff on its whitecaps lonely.
 By such thick mossy, swampy clay
 Just god-forsaken mad Finns stay,
 Just here and there their black huts dotting.
 The woods, kept secret from all rays
 Of sunshine that the fog was swathing,
 Stirred, rustling round.

And then he thought:

From here the mighty Swede we'll menace;
 Here we will build a city up
 To spite our haughty neighbour jealous.
 Here Nature has decreed that we
 To Europe force a window free,
 With mighty step bestride the ocean.
 And o'er these waves which no one knew
 The whole world's flags will stream hereto;
 We'll feast on this vast space in motion.

A century's past, and this young town
 Is now the midnight-sun-lands' wonder.
 From deep dark woods, swamps' soggy ground
 A sumptuous beauty rose in grandeur.
 Where once some Finnish fisherman,
 Bleak nature's melancholy stepson,
 Alone stood in the shallow sand,
 Casting his tattered net unresting
 In murky waters, now look round!
 All bustles by the river's bounds;

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
 Пробирается луна,
 На печальные поляны
 Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
 Тройка борзая бежит,
 Колокольчик однозвучный
 Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
 В долгих песнях ямщика:
 То разгулье удалое,
 То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
 Глушь и снег... Навстречу мне
 Только версты полосаты
 Попадают одна.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
 Завтра, к милой возвратясь,
 Я забудусь у камина,
 Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
 Мерный круг свой совершит,
 И, докучных удаляя,
 Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
 Дремля смолкнул мой ящик,
 Колокольчик однозвучен,
 Отуманен лунный лик.

A WINTER ROAD

Through a mist that's waving, rolling,
 Breaking through, the moon does pass;
 On the meadows melancholy
 Melancholy light does cast.

On a winter road so dreary,
 Fleet my troika runs its route;
 Of its little bell I'm weary,
 Clinking with but one dull note.

Something strikes a chord within me,
 In the coachman's endless song:
 Sometimes fiery, daring, cheery,
 Sometimes grieving in my heart.

Not one light, no black hut looming,
 Barren snow round barren path,
 Just the milestones striped and gloomy
 Are the only things I pass.

Dreary, sad... Tomorrow, Nina,
 I'll be back by your dear fire,
 Lose myself and clutch you nearer,
 Look and look, and never tire.

When the sonorous clock's arrows
 Keep their measured rounds so hard,
 Fleeing all things dull and shallow,
 Midnight won't keep us apart.

I'm sad, Nina: my path's dreary,
 Hushed, my coachman nods, apace,
 From his little bell I'm weary,
 Wrapped in mist is the moon's face.

ИЗ «СКАЗКИ О ЦАРЕ САЛТАНЕ»

...Князь у синя моря ходит,
 С синя моря глаз не сводит;
 Глядь – поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
 Что ж ты тих, как день ненастный?
 Опечалился чему?» –
 Говорит она ему.
 Князь Гвидон ей отвечает:
 «Грусть-тоска меня съедает:
 Люди женятся; гляжу,
 Не женат лишь я хожу».
 – «А кого же на примете
 Ты имеешь?» – «Да на свете,
 Говорят, царевна есть,
 Что не можно глаз отвести.
 Днем свет божий затмевает,
 Ночью землю освещает –
 Месяц под косой блестит,
 А во лбу звезда горит.
 А сама-то величава,
 Выступает, будто пава;
 Сладку речь-то говорит,
 Будто реченька журчит.
 Только, полно, правда ль это?»
 Князь со страхом ждет ответа.
 Лебедь белая молчит
 И, подумав, говорит:
 «Да! такая есть девица.
 Но жена не рукавица:
 С белой ручки не стряхнешь
 Да за пояс не заткнешь».

FROM THE TALE OF TSAR SALTAN

...By the blue sea our prince, moving,
 From blue sea eyes not removing,
 Looks – and where its waters flow,
 A white swan appears, swims slow.
 “How are you, my lovely princeling?”
 Why so still, like a day drizzly?
 What is it that makes you sad?
 Says the swan to him at last.
 Prince Guidon to her makes answer:
 “Grief eats up my heart with sadness.
 All get married, yet I see,
 Still unmarried only me.”
 “But just whom is it you’re seeking?”
 “On this earth somewhere lives, breathing,
 A Tsar’s daughter, so they say,
 From whom eyes can’t look away.
 During day than sun she’s brighter,
 Nights, she makes the world shine lighter.
 In her locks bright moonbeams are,
 In her forehead gleams a star.
 And herself, majestic, precious,
 Like a peacock stately, paces,
 When she speaks, her sweet speech seems
 Like the murmuring rush of streams.
 But enough, could this be right?”
 Asks the prince, and waits in fright.
 For a long time the white swan
 Hushes, thinks, and then goes on:
 “Yes, indeed, there’s such a maiden,
 But a wife’s no mitten braided,
 Can’t be shook from your white wrist,
 Pinned upon your belt, then missed.

ОСЕНЬ (ОТРЫВОК)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?

*Державин**

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
 Последние листы с нагих своих ветвей;
 Дохнул осенний хлад, дорога промерзает,
 Журча еще бежит за мельницу ручей,
 Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
 В отъездие поля с охотою своей,
 И страждут озими от бешеной забавы,
 И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
 Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
 Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
 Суровою зимой я более доволен,
 Люблю ее снега; в присутствии луны
 Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
 Когда под соболем, согрета и свежа,
 Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
 Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
 А зимних праздников блестящие тревоги?..
 Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
 Ведь это наконец и жителю берлоги,
 Медведю надоест. Нельзя же целый век
 Кататься нам в санях с Армидами** младыми
 Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

* Из стихотворения «Евгению. Жизнь званская» Г.Р. Державина (1743–1816), который восславил юного Пушкина, услышав его «Воспоминания в Царском Селе», продекламированные самим автором на экзамене в Лицее; эта сцена увековечена И.Е. Репиным и упоминается в «Евгении Онегине» (Глава VIII, II). См. биографию на с. 685.

** Армида — героиня поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», волшебница, соблазнительница рыцаря Ринальдо.

AUTUMN (A FRAGMENT)

What thought won't at that time walk in my slumbering mind?

*Derzhavin**

I

October has arrived. The grove's already shaking
 From branches stripped all bare the very last few leaves.
 Fall's cold breath blows. With frost the road's now flaking.
 The brook behind the mill still runs and, bubbling, breathes,
 But ice quiets the pond. Meanwhile, my neighbor's taking
 Out to the hunting fields his pack of dogs which seethes.
 The winter wheat gets trampled in that furious larking;
 The sleeping woods wake up to the sound of hounds barking.

II

Now is my time of year. I do not love the spring:
 The thaw's a bore to me: smells, dirt... spring gives me ailment,
 Blood stirring, feelings, mind restrained in longing's sling.
 From winter's bitter blasts I find much more contentment;
 I love her fallen snows, the moonlit sleighbell's ring!
 So quick and free the sleigh rides with a girlfriend,
 When, wrapped in sable furs so warm and fresh, you race;
 She gives your arm a squeeze, both shivering and ablaze!

III

What fun it is, with skates of sharpened steel strapped on me,
 To glide on mirrorlike stilled rivers' even glow!
 And winter holidays so glittering, alarming?
 But honestly, enough: half the year snow and snow —
 Why even, in his lair, the hibernating bruin
 Gets sick of it at last! You can't just always go
 Out sleigh-riding, entranced by Armida the maiden,**
 Or sour by the stove by double windows hidden!

* From *To Eugene: Courtly Life* by Gavrila Derzhavin, 1743–1816, famous Russian poet who hailed Pushkin's *Memories in Tsarkoye Selo* (1815), which Pushkin declaimed before Derzhavin at a public examination at his Lycée; this incident was immortalized by the painter Repin, and is referred to in *Eugene Onegin*, Chapter VIII, ii. See Biography at page 54.

** Armida was an enchantress and seductress of the knight Rinaldo in Torquato Tasso's *Gerusalemme Liberata*.

ТРУД

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
 Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
 Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
 Плату приявший свою, чуждый работе другой?
 Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
 Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

Обложка первого издания первой главы «Евгения Онегина», 1825
 Cover of the first edition of Chapter I of "Eugene Onegin", 1825

LABOR

(upon completion of *Eugene Onegin*)

Finally, now the time's come! I have finished my many years' labor.
 Why, strange and secret, does sadness so trouble me now?
 Is it, the deed being done, that I stand like a day-worker, useless,
 Having been given my pay, foreign to all other toil?
 Or do I pine for my work, for my silent companion at nightimes,
 Friend of my dawns swathed in gold, friend of my home's holy shrine?

Страница рукописи «Евгения Онегина»
 Page from the manuscript of "Eugene Onegin"

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

(Отрывки из романа)

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.*

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть – рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

*Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства превосходства, быть может мнимого.

Из частного письма

EUGENE ONEGIN

(Excerpts from the novel)

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.*

For smiles from lofty halls not daring,
But caring just for friendship true,
I wish I here could be presenting
A gift much worthier of you,
More worthy of a soul that's lovely,
In whom there dwells a holy dream
Of poetry that's clear and lively,
With lofty thoughts, simplicity.
But be it so, with your hand biased
Accept these brightly colored songs,
Half-humorous, half sad indeed,
Part folksy, and yet part ideal,
The breezy fruit of my free fun,
My sleepless nights, light inspirations,
My youth naïve, now faded far,
My intellect's cold observations,
And grieving notes straight from my heart.

*Suffused with vanity, he also had that sort of pride that led him to avow with equal indifference both his good and his bad deeds alike, due to a possibly imaginary sense of superiority.

From a private letter

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И жить торопится и чувствовать спешит.

Кн. Вяземский

I «Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, Боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!»

II Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас.
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

CHAPTER I

To live he hurries and to feel he flies.

Prince Vyazemsky

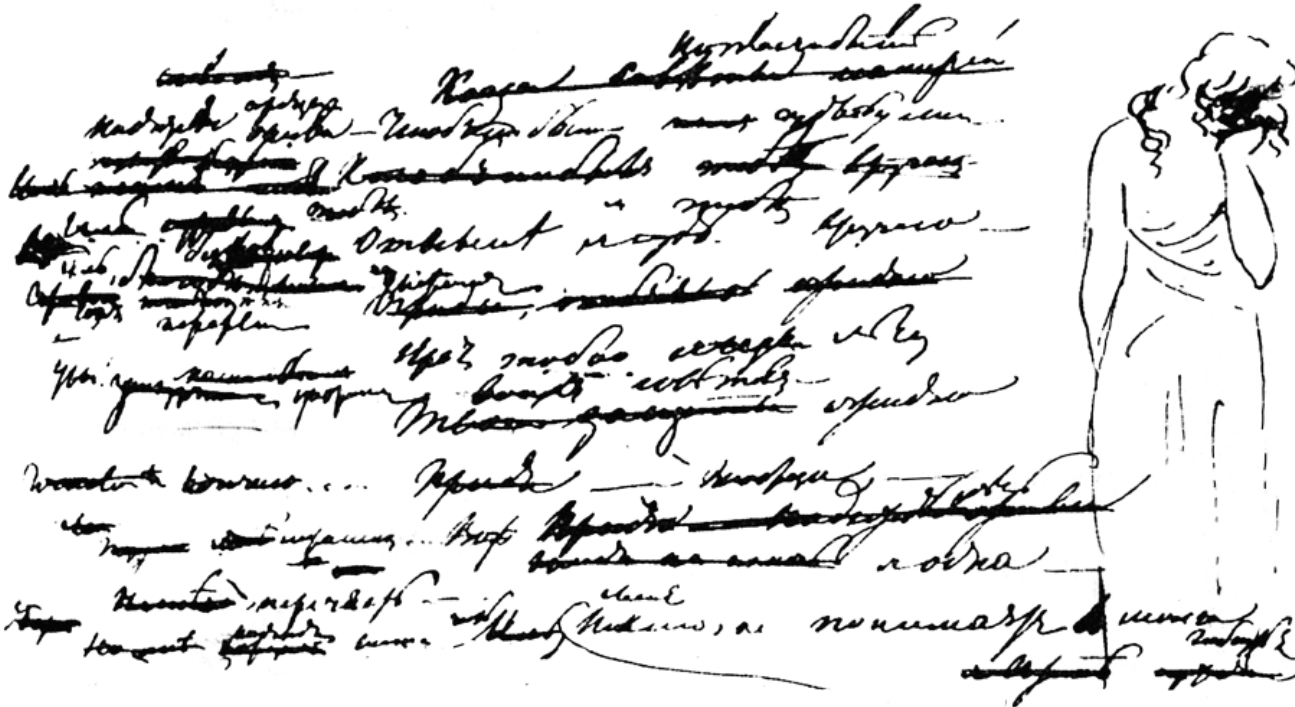
I “My uncle, man of rules, most honest,
When he fell ill beyond all joke,
Respect for himself forced upon us
(Better than that could not be hoped)
Let others learn from his example,
But Lord, how deathly dull to sample
The patient’s sickbed night and day,
And never take a step away!
What execrably base dissembling
To keep someone half-dead amused,
Prop up his pillows, sadly brood,
With melancholy bring him medicine,
Sigh – as you ask yourself – all through –
When will the Devil come for you!”

II Such were the thoughts of our young scapegrace,
Flying on post-coaches through dust,
By Zeus Almighty’s sudden grace
The heir of all the family trust.
My friends of *Ruslan and Lyudmila!*
Allow me, to my novel’s hero,
Without more rigmarole or fuss,
To introduce you, all at once.
Onegin – my good pal in “Peter”* –
Was born there, on the Nevá’s banks.
Where you were also born, perhaps,
Or else just sparkled, my dear reader.
I strolled there, had my flings, before,
But I’m allergic to the North.

*As the Russians themselves call their most graceful of cities.

Перед тобою слезы лью,
 Твоей защиты умоляю...
 Вообрази: я здесь одна,
 Никто меня не понимает,
 Рассудок мой изнемогает,
 И молча гибнуть я должна.
 Я жду тебя: единым взором
 Надежды сердца оживи,
 Иль сон тяжелый перерви,
 Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечесть...
 Стыдом и страхом замираю...
 Но мне порукой ваша честь,
 И смело ей себя вверяю...

Handwritten manuscript of the letter from Tatyana to Eugene in Russian. The text is written in cursive and includes the same lines as the printed text above. To the right of the manuscript is a simple line drawing of a woman in a long dress, standing and weeping with her hand to her face.

Before you all my tears I pour:
 For your protection I am pleading;
 I'm all alone – can you not see?
 In this place no one understands me.
 My reason fails, I weaken badly,
 And I must perish silently.
 I wait for you: one look would serve:
 Restore the hope that's in my heart,
 Or tear my heavy dream apart,
 Alas, with a rebuke deserved!

I'm finished! To re-read I dread.
 Both shame and fear my spirit rivet.
 Your honor, though, stands in my stead,
 And boldly I entrust you with it.

Плачущая Татьяна
 Tatyana Weeping

LI Но те, которым в дружной встрече
 Я строфы первые читал...
 Иных уж нет, а те далече,
 Как Сади некогда сказал.
 Без них Онегин дорисован.
 А та, с которой образован
 Татьяны милый идеал...
 О много, много рок отъял!
 Блажен, кто праздник жизни рано
 Оставил, не допив до дна
 Бокала полного вина,
 Кто не дочел ее романа
 И вдруг умел расстаться с ним,
 Как я с Онегиным моим.

КОНЕЦ

LI But those for whom, in friendly trysting,
 My early stanzas once I read...
 “They are no more, and some are distant,”
 As once the poet Saadi said.
 Onegin’s been sketched in without them.
 And she, that one in whom I found, in
 Truth, Tatyana’s perfect grace?
 Oh how much Fate did take away!
 Blest he who early left life’s revel
 Before he could drink up in time
 His goblet, brimming full of wine,
 Who did not read all of life’s novel,
 Who how to part at once well knew,
 As I from my Onegin do.

THE END

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Русская литература — признанная духовная сокровищница, бесспорное достояние мировой культуры. Весь мир знает созвездие русских гениев — Достоевского, Толстого, Чехова... Но, увы, главное сокровище в этом венце, Пушкин, «наше всё», остается тайной за семью печатями, скрытой как бы в драгоценном ларце нашего языка, непостижимого для многих, стремящихся причаститься к великой русской культуре.

«Пушкин непереволим» — стало некоей аксиомой, с которой уже никто не спорит. В самом деле, двести лет попытки перевести Пушкина на любой иностранный язык — а за дело брались многие корифеи, даже Набоков, — не совершили чуда. Пушкин так и остался тайной.

Боюсь суесловить, но с изданием нового перевода, который вы держите в руках, чудо, кажется, все же произошло — благодаря тому, что появилась чуткая душа, способная так ощутить и сопереживать нашему великому поэту, что перенесла величие и глубину его творений на язык, знакомый населению половины нашей планеты. Появился человек, который принял Россию от души и верит в нее; будучи рожденным американцем, сам стал русским в душе. И поэтому понимает и чувствует «наше всё» так, как чувствуем его мы, только выражая это английским языком.

Его зовут Джулиан Генри Лоуэнфельд, и в его вдохновенных переводах звучат «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы и любовь» нашего Пушкина. В переводах Джулиана мы узнаем и слышим величие, глубину и тепло, христианское сердоболье и способность любить нашего русского гения. Читая проникновенную, исполненную внутренним пониманием и любовью биографию поэта Пушкина, написанную поэтом Лоуэнфельдом, мы по-другому понимаем и воспринимаем «всемирную отзывчивость русской души», которую Пушкин так уникально олицетворял.

Дай Бог, чтобы эта книга стала доступна для читателей во всем мире. Это немаловажно именно сегодня, когда нашу страну и русскую историю зачастую столь старательно демонизируют. Как хорошо, что вдруг появилась чуткая, мудрая душа, американец, который любит и понимает «наше всё»!

От всего сердца благословляю миссию этой книги и ее автора.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПУШКИН

Останется ли Пушкин навсегда «пленником русского языка»? В мировой литературе, по-видимому, нет другого писателя, в связи с которым бы так поразительно отличалось мнение о нем у него на родине и представление о нем за ее пределами. Если речь пойдет об эмблеме национальной культуры, то как ее носители, так и инациональные ценители, безусловно, вспомнив Италию, назовут Данте, Англию — Шекспира, Германию — Гёте, Испанию — Сервантеса. Но если, вспомнив Россию, русский назовет Пушкина, то иностранец назовет Достоевского или Толстого. Иностранцы плохо знают Пушкина, потому что переводы Пушкина плохи. Вирджиния Вулф как-то заметила: «Русские классики выглядят людьми, потерявшими одежду в результате землетрясения или крушения поезда. В живых остается только грубый, опошленный, приниженный вариант смысла». Великий французский славист Жорж Нива пишет: «Пушкин пострадал от такого обращения больше, чем кто-либо. Все переводы его поэзии — просто ужасны: и сухие, и с грубейшими ошибками... Воспитаннику Арины Родионовны и Бенжамена Констана при-суца парадоксальная простота и естественность, которую пока не удастся перенести в чужую культуру. Итак, Пушкин остается неизвестным».

Это приводит к тому, что мы ожидаем от переводчика не столько разумеющихся у профессионала скрупулезности и точности и комплексного научного подхода, сколько воплощенного чуда. Ждем *такого* Пушкина, в котором блестит сама прелесть его поэзии, чтобы не только знатоки-специалисты, а любые люди духовного строя смогли в Пушкине ощутить, по выражению Набокова, «это особое состояние, при котором чувствуешь себя как-то, где-то, чем-то связанным с другими формами бытия, где искусство (то есть любознательность, нежность, доброта, стройность, восторг) есть норма».

Такой нормой является вдохновенный труд американского писателя, поэта, переводчика Джулиана Генри Лоуэнфельда. Его переводы строго следуют пушкинскому ритму. Сохранен порядок чередования рифм, без потери свободы. Поразительная глубина, прозрачность, смысловая насыщенность и теплота пушкинского стиха удивительным образом сохранены в блестящем переводе Лоуэнфельда. Не только ритм, рифма, смысловые оттенки

буквально соответствуют оригиналу, не только количество слогов и расстановка сильных ударений, что, в общем, не характерно для других английских переводов, но сохранена сама тональность стиха с невероятным чутьем и любовью.

«Именем Пушкина будем аукаться», — пророчествовал Ходасевич. Аукаться будем теперь во всем мире. Ведь Лоуэнфельд перевел поэзию Пушкина не просто на английский язык, а на язык Китса и Байрона. Именно поэтому значение этого перевода трудно переоценить.

Марина Цветаева в 1936 году писала Полю Валери: «Мне твердят: Пушкин непереволим. Как может быть непереволим уже переведенный, переложивший на свой (общечеловеческий) язык несказанное и несказанное? Но переводить такого поэта должен поэт».

В этой книге как раз поэт перевел поэта, американский — русского, поэт, сумевший услышать и передать на своем родном языке то, что Пушкин некогда услышал и записал на нашем.

ВСЕВОЛОД БАГНО

*директор Института русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской Академии наук,
член-корреспондент РАН, Санкт-Петербург*

РУССКОЕ СЕРДЦЕ

Земля летит со скоростью 30 км/с, сегодня кажется, что еще быстрее. Чтобы не потерять равновесие, лично я, хотя бы иногда, перечитываю любимые строки Пушкина:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит,
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
Вся комната янтарным блеском
Озарена...

Пушкин одновременно русский и всемирный поэт. Его поэзия поднимает нас в «русский космос», а переводы Джулиана Лоуэнфельда не только знакомят с ним иностранцев, но и нас — заново, и с новой точки обзора. Миссия «Русского Часа» — показать всему миру настоящую красоту России, ее культуры и языка, чья путеводная звезда — Пушкин.

Культуры России, Англии и Америки традиционно дополняют и питают друг друга, о чем нам напоминают великолепный русский «Шерлок Холмс», британская экранизация «Евгения Онегина» и американская — «Войны и мира»; увертюра 1812 года Чайковского на салютах в День Независимости США и «Половецкие пляски» Бородина в обработке американских рэперов, Шекспир, Уитмен и Бёрнс в блестящих русских переводах. Теперь еще и эта замечательная книга американского поэта с русским сердцем. Сегодня переводчик в России — больше, чем переводчик. Особенно Джулиан Лоуэнфельд.

Поздравляю — и его и вас, читатель!

АЛЕКСАНДР КОРОБКО

«Русский Час» (спонсор проекта)

К ДОРОГИМ РУССКИМ ЧИТАТЕЛЯМ!

Эти страницы жизни Пушкина я написал сначала по-английски, для читателя, мало знакомого с поэтом. Когда меня просили перевести их на русский язык, признаюсь, я даже колебался — нужен ли перевод читателю русскому, воспитанному на Пушкине с детства? Поразмыслив, я все же решил, что в двуязычной книге все ее компоненты должны присутствовать на обоих языках. А то, не дай Бог, меня еще обвинят в дискриминации! Более того, я для себя Пушкина открыл не принудительно в школьной программе, а добровольно — любя и переводя его, пропуская его через сердце, что и по-русски. Поэтому хочется поделиться с вами по-русски.

Всю многогранность гения Пушкина одна книга все равно никогда не вместит. Поэтому я не смог так, как хотелось бы, углубиться в бездонный духовный мир поэта. Более политически или философски настроенный читатель простит, надеюсь, мой уклон в бесподобную любовную лирику поэта. Простите меня и за некоторое повторение азов и неизбежное упрощение фактов для англоязычного читателя. Я ведь не русский и даже не пушкинист, а лишь американский поэт, обожающий Пушкина... Главное — получайте удовольствие от чтения! Предпочитая прелесть живой истории педантичности, я нарочно избегал академической мании к сноскам и оговоркам. Все равно, по словам М.А. Булгакова, «пушкиноведение, как я горько убедился, не есть точная наука». И тщетный поиск сухой и мнимой точности более всего вредит ученой прозе и отчуждает молодых читателей. Пусть иногда и допускаю некоторые неточности, оставаясь занимательным. Пушкин бы простил.

ПРИМЕЧАНИЕ К ТЕКСТАМ

Ральф Уалдо Эмерсон заметил: «Глупая последовательность во всем — мелкий бес мелких умов». У Пушкина, как и у Шекспира, нет единого канонического издания, а существуют различные варианты публикаций. В этой книге я придерживался издания: Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т., издание 3-е. Издательство Академии наук СССР, М., 1962.

Само собой, все чудные рисунки в этом издании нарисованы самим Александром Сергеевичем (если не указано иное).

ОЧЕРК «МОЙ ТАЛИСМАН»

Храни меня, мой талисман,	Deliver me, my talisman,
Храни меня во дни гоненья,	Deliver me from fear and fleeing,
Во дни раскаянья, волненья:	Days of remorse and worry healing:
Ты в день печали был мне дан.	On a sad day you touched my hand.

Когда подымет океан	When rising by the ocean strand
Вокруг меня валы ревучи,	The waves around me crash in pounding,
Когда грозой грянут тучи,	And when with lightning clouds are sounding,
Храни меня, мой талисман.	Deliver me, my talisman.

В уединенье чуждых стран,	Lost in seclusion, in strange lands,
На лоне скучного покоя,	In boredom's lull my bosom taming,
В тревоге пламенного боя	In the alarm of battle flaming,
Храни меня, мой талисман.	Deliver me, my talisman.

Священный сладостный обман,	You are my soul's own magic lamp,
Души волшебное светило...	You sweet and sacred trickery,
Оно сокрылось, изменило...	When you drop down, are flickering!
Храни меня, мой талисман.	Deliver me, my talisman.

Пусть же век сердечных ран	Wounds of the heart help me withstand
Не растравит воспоминанье.	Forever; bad memories burn with fire!
Прощай, надежда; спи, желанье;	Farewell, fond Hope; and sleep, Desire;
Храни меня, мой талисман.	Deliver me, my talisman.

Во времена сталинского террора, когда миллионы гибли в лагерях и тюрьмах, НКВД выполнял ежедневную квоту арестов обычно в три часа ночи, чтобы захватить своих жертв врасплох, неспособными к сопротивлению. Вообразите себе: вас в полусонном, полушоковом состоянии палачи тащат из постели, ничего не объясняя, только ругаясь. Больше уже никогда вы, наверное, не увидите свой дом и близких, осталось только несколько секунд, и беспощадное колесо истории унесет вас в пропасть... Что вы сделаете? Великий русский поэт Анна Андреевна Ахматова вспоминала, что в эти последние свободные секунды у многих русских была чуть ли не инстинктивная реакция — схватить и положить в карман книжку стихов Пушкина.

БИОГРАФИЯ ПОЭТА

*А. Пушкин
Гравюра работы Т. Райта. 1836–1837*

Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он — сын гармонии, поэт.

А.А. Блок. *О назначении Поэта*

Детство. 1799–1811

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 6 июня 1799-го (или 26 мая 1799 года по юлианскому календарю, действовавшему в России до 1918-го. Далее в этой книге все даты последуют «по старому стилю», как сам Пушкин их прожил). Отец поэта, Сергей Львович Пушкин, был родом из прославленной, но уже обедневшей дворянской семьи. Мать поэта, Надежду Осиповну, урожденную Ганнибал, называли «la belle sгeole» (прекрасной креолкой). Ее черный дед, Ибрагим Ганнибал, был похищен в детстве, вероятно, в Центральной Африке, перевезен работниками к туркам, затем куплен и отправлен «подарком» императору Петру I. Петр крестил его Абрамом, назначил талантливого мальчика своим секретарем, окружил атмосферой тепла и заботы, а позднее отправил во Францию, для изучения военных наук. Абрам стал фортификатором (в том числе и Кронштадта) и автором учебников на французском языке по математике и фортификации. Гордясь своим африканским происхождением, он позже выбрал себе фамилию в честь великого карфагенского полководца Ганнибала. Абрам закончил свою карьеру в звании генерал-аншефа российской армии с наградами. Императрица Елизавета Петровна наделила его именьями, включая Михайловское в Псковской губернии. Итак, бывший раб стал русским дворянином и владельцем 800 крепостных (белых рабов). У Пушкина были полные губы, кудрявые волосы и (как деликатно вспоминал писатель И.А. Гончаров) лицо «матовое» черного предка. Чернильница на его письменном столе изображала статуэтку черного раба, выгружающего хлопок, и он любил шутить с легкой гордостью над своим «арапством»:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?

В доме Пушкиных бывали писатели, поэты... Среди них был дядя Пушкина, Василий Львович («Вы дядя мой и на Парнасе»). Отца поэта уважали за образованность. У него была одна из лучших библиотек Москвы, почти полностью на французском языке; в литературных салонах он блистал остроумием и читал Мольера в лицах с изящной живостью.

Мать поэта тоже очень любила читать детям вслух, и Пушкин потом напишет: «Чтение — вот лучшее учение». Если бы не было в семье атмосферы любви к поэзии, великой европейской культуры и стиля исконно русской жизни, мы бы не имели такого Пушкина. Но биографы поэта и мемуаристы обычно критикуют его родителей. «Сергей Львович был нежный отец, но нежность его черствела ввиду выдачи денег. Вообще он был чрезвычайно скуп», — вспоминал князь Петр Вяземский, друг поэта. Рассказывали, что случайная поломка какой-нибудь 35-копеечной рюмочки могла его взбесить на целый день. Отец «никогда не оказывал ни малейшей помощи своему сыну Александру, и... он едва ли получил от отца во всю свою жизнь до пятисот рублей ассигнациями, при всем том, тщеславие его тешили успехи своего сына, и он по-своему гордился ими», — писал биограф М.И. Семевский. Мать поэта, по мнению многих, была обаятельной, но капризной и не очень заботливой. «Она умела дуться по дням, месяцам и даже годам», — вспоминал сын сестры поэта Л.Н. Павлищев. Справедливости ради надо заметить, что любой матери было бы трудно управляться с восемью детьми (Александр был вторым; пятеро детей умерли маленькими). Но по какой-то причине она предпочитала младшего брата поэта — Льва — беспокойному, блестящему *enfant terrible*, Александру, с которым она бывала иногда холодна и неласкова. Только в последние годы ее жизни в отношениях между поэтом и его матерью появились теплота и, в некоторой степени, духовная связь. В глубочайшей любовной лирике Пушкина можно почувствовать и тоску, и жажду материнской любви, которой ему не хватало в детстве. Может, он не случайно изобразил себя сиротой в почти автобиографичном «Русском Пеламе»?

...Пребывание мое под отеческою кровлею не оставило ничего приятного в моем воображении. Отец, конечно, меня любил, но вовсе обо мне не беспокоился и оставил меня на попечение французов, которых беспрестанно принимали и отпускали. Первый мой гувернер оказался пьяницей; второй, человек неглупый и не без сведений, имел такой бешеный нрав, что однажды чуть не убил меня поленом за то, что пролил я чернила на его жилет; третий, проживший у нас целый год, был совершенно сумасшедший.

Не слышны ли нотки детской печали Пушкина в его описании молодой Татьяны? (Е.О., II, xxv)

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.

О ДЖУЛИАНЕ ГЕНРИ ЛОУЭНФЕЛЬДЕ

Поэт, драматург, судебный юрист, композитор и переводчик с 8 языков Джулиан Генри Лоуэнфельд – ученик известной пушкинистки Надежды Семеновны Брагинской – имеет глубокие корни в русской литературе. Прадедущка Лоуэнфельда был первым переводчиком произведений Льва Толстого на немецкий. Мировая премьера пьесы Толстого «Власть тьмы» была поставлена Лёвенфельдом в собственном переводе в основанном им Шиллеровском театре (Берлин). После революции у Лёвенфельдов в Берлине жило семейство Набоковых.

В 2009 году состоялась мировая премьера «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина на английском языке в стихотворном переводе Джулиана Генри Лоуэнфельда (Центр Искусств Михаила Барышникова, Нью-Йорк). В июне 2010 года Джулиан награжден литературно-художественной премией «Петрополь» (впервые она присуждена иностранцу). В 2012 году Джулиан перевел книгу архимандрита Тихона Шевкунова «Несвятые Святые и другие рассказы» на английский язык. Книга получила первую премию на фестивале Read Russia 2012 в Нью-Йорке. В 2013 году Джулиан награжден почетным знаком федеральным агентством «Россотрудничество» за «выдающиеся литературные переводы и преданную работу по популяризации русской культуры на английском языке».

Среди других переводов: видеосборник «Советская пропаганда в мультфильмах» (4 DVD-диска) – лауреат премии «Выбор критиков» газеты New York Times; перевод фильма Эльдара Рязанова «Андерсен. Жизнь без любви» (Киностудия «Мосфильм»); перевод мультфильма «Снежная Королева» (киностудия «Союзмультфильм» по мотивам сказки Х.К. Андерсена); перевод с испанского двух произведений Хулио Кортасара «Прощай, Робинзон!» и «До Пехаухо, Ничего» (поставлены офф-Бродвей в 2004 году).

ABOUT JULIAN HENRY LOWENFELD

Poet, playwright, trial lawyer, composer, and translator from 8 languages Julian Henry Lowenfeld – a student of famed Pushkin scholar Nadyezhda Braginskaya – has deep roots in Russian literature. His great-grandfather Raphael Löwenfeld was the first translator of Tolstoy into German, and Tolstoy's play *The Power of Darkness* world premiered in Berlin's Schiller Theater, which Löwenfeld founded. After the Russian Revolution, the Nabokov family lived in the Löwenfeld home in Berlin.

In 2009, the world premiere in English of Alexander Pushkin's play *Little Tragedies* in Julian Henry Lowenfeld's translation took place in the Mikhail Baryshnikov Arts Centre in New York. In 2010 Julian was awarded the literary-artistic Petropol Prize (awarded for the first time ever to a foreigner). In 2012 he translated Archimandrite Tikhon Shevkunov's bestseller *Everyday Saints and Other Stories* into English; the book won first prize at New York's Read Russia 2012 Festival. In 2013 Julian was awarded the Friendship and Cooperation Medal from the Russian Federal Agency Rossotrudnichestvo "for his outstanding literary translations and dedicated efforts to popularize Russian culture in the English language."

Among his other translations: the video collection *Animated Soviet Propaganda* (4 DVDs), winner of the New York Times' "Critics' Choice" Award, Eldar Ryazanov's film *Andersen. A Life without Love*, Soyuzmultfim Studios' *The Snow Queen* (based on the Hans Christian Andersen fairy tale), as well as translations from Spanish of two plays by Julio Cortázar: *Nothing to Pehaujó*, and *Bye, Robinson* (staged off-Broadway in 2004).

INDEX OF TITLES AND FIRST LINES

A country winter. What's to do here?	381
A dried-out flower, without fragrance	357
A drizzly day's fizzed out; a drizzly night's dull haze	233
A green oak tree's by a cove curving (Prologue, Ruslan and Lyudmila)	253
A lantern in a Jewish hotel	185
Alas! Say why is she so shining	175
A Little Bird ("Though exiled, I observe, still heeding")	193
A lot of us were on that skiff (Arion)	303
Although at times the burden's heavy (The Cart of Life)	373
A Message to Siberia ("Deep in your dark Siberian mine")	307
Arion ("A lot of us were on that skiff")	303
A savage artist, brushstrokes sleepy (Rebirth)	363
A simple child of nature being (To Princess Golitsyna, sent with an Ode to Liberty)	159
A Statue in Tsarskoye Selo (Dropping a water-filled urn from a cliff)	137
Autumn ("October has arrived. The grove's already shaking")	453
A Winter Evening ("Snowstorm, gloom-filled, heavens drowning")	249
A Winter Morning ("It's frost and sunshine – morning wondrous!")	259
A Winter Road ("Through a mist that's waving, rolling")	371
A wondrous moment I remember (To ***)	261
Bacchanalian Song ("How is it that joy lost its voice?")	323
Back then, when in the Lycée's garden (Eugene Onegin, Chapter VIII (Unpublished verses))	139
Back when, to me all things shone newly (The Demon)	223
Beauty ("She is all harmony, all marvel")	425
Begone, and vanish from my sight (Ode to Liberty)	153
Beneath the light blue skies of her own native land	213
Bound for your distant homeland's shoreline	215
By a noble señorita	211
By coasts where desolate crash the waves (Bronze Horseman, Prologue)	335
Cleopatra	469
Clouds are racing, clouds are writhing (Demons)	403
Confession ("I love you so-though it's distress")	263
Dawn drums sound... From my hand tips	391
Deep in your dark Siberian mine (A Message to Siberia)	307
Delibash (The Turkish Captain) ("Shots ring out beyond the hillocks")	393
Deliver me, my talisman (My talisman)	25
Demon, I'm bored (Scene from Faust)	241
Demons ("Clouds are racing, clouds are writhing")	403
Dropping a water-filled urn from a cliff (Statue in Tsarskoye Selo)	137
Elegy ("The faded gaiety of past years' frenzies")	477
Epigram about Arakcheyev ("Persecuting all of Russia")	149
Epigram on Faddey Bulgarin ("There's nothing wrong with being Polish")	319

Epigram on Vorontsov (Half a milord, half merchant, he...)	74
Eugene Onegin, Chapter VIII (From the Unpublished verses, Chapter VIII)	139
Eugene Onegin (Excerpts)	489
Exegi Monumentum ("I've built myself a monument mere hands can't topple")	485
Farewell, dear, pleasant Kalmyk maiden! (To a Kalmyk Girl)	385
Farewell, farewell, free force of nature! (To the Sea)	225
Farewell, letter of love, farewell. It was her order... (The Burnt Letter)	237
Fiery steed, why are you neighing? (The Steed)	377
Finally, now the time's come! (Labor)	487
For one last time, my friend so tender	207
For you the gods but briefly will (To my Friends)	143
Foreboding ("Once again the black clouds gather")	397
Fragment from Onegin's Journeys ("I lived then in Odessa dusty")	195
From Egyptian Nights ("The poet walks... his eyes are open")	467
From Pindemonte ("I do not value much those rights....")	479
From The Tale of Tsar Saltan	417
Gift so futile, gift so random (May 26, 1828)	359
God help you all, my dear, dear friends (October 19, 1827)	315
Grapes ("No, I'm not going to mourn the roses")	181
Half a milord, half merchant, he	74
Have you not heard his voice through groves at night (The Bard)	129
Have you seen, perched upon a cliff (The Storm)	179
High o'er mountain family (The Monastery of Mount Kazbek)	387
How is it that joy lost its voice? (Bacchanalian Song)	323
I am fond of evening feasts	58
...I came back again	461
I can't sleep, fire's out, no light (Written on a sleepless night)	351
I do not value much those rights... (From Pindemonte)	479
I have outgrown my aspirations	187
I love you so – though it's distress (Confession)	263
I loved you once, and still, perhaps, love's yearning	349
I still remember school when life began	353
If in thick woods a wild beast roars (The Echo)	447
If not for something murky gnawing	435
If, perchance, life should deceive you	299
If sweet and youthful hope infused my every breath	221
If they send me far from you (To Yekaterina Nikolayevna Ushakova)	317
I'm glad to see you, lonely barren nook (The Country)	163
I'm here, Inesilla...	30
Imprisoned, I'm caged in a dungeon that's dank (The Captive)	219
I will fall silent soon. But if, on days of sadness	189
In fearsome desert, barren, dead (The Poison Tree)	311
In lonesome wasteland freedom sowing	309
In mournful storms I have become a man	433
In this world's plain that stretches sad and endless	321

In the Album of [the Actress] Sosnitskaya	145
In this world's plain that stretches sad and endless	321
In vain I seek to flee and climb up Zion's heights	473
Invocation ("Oh, if it's true that in the night")	217
I rode towards you, and waking dreams (Superstitions)	375
I thought my heart had long forgotten	427
It's frost and sunshine – morning wondrous! (A winter Morning)	259
It's time, my friend, it's time! For peace the heart is calling	431
Ivan, dear coz' , if we start drinking	251
I will fall silent soon. But if, on days of sadness	189
I've built myself a monument	
mere hands can't topple (Exegi Monumentum)	485
Labor (Upon Completion of <i>Eugene Onegin</i>)	
("Finally, now the time's come!")	487
Let's leave, I'm ready now! Wherever you, my friends	369
Madonna ("Of all the great old masters' paintings, few indeed")	409
May 26, 1828 ("Gift so futile, gift so random")	359
May God forbid I go insane	443
My blood is blazing with desire	257
My confidante of magical old times	131
My fifteenth year I'll soon be reaching	
(The Page, or my fifteenth year)	135
My friend, I have forgot all trace of passing years	191
My friend through my travails, woes hardest (To Nanny)	329
My talisman (Deliver me, my talisman)	25
My voice, only for you, affectionate and yearning (Night)	205
My Portrait ("My portrait you demand")	133
My portrait you demand (My Portrait)	133
My very first, my priceless friend (To Ivan Ivanovich Pushchin)	305
Near lands where sovereignty of golden Venice rules	441
Night ("My voice, only for you, affectionate and yearning")	205
Night's soft breeze	209
No, I do not hold dear that pleasure so rebellious	423
No, I'm not going to mourn the roses (Grapes)	181
No, no, it isn't right, I cannot, I don't dare (To***)	429
O very last cloud of the storm that has scattered (The Cloud)	395
October 19th ("The forest casts its scarlet garments off")	267
October 19, 1827 ("God help you all, my dear, dear friends")	315
October has arrived. The grove's already shaking (Autumn)	453
Ode to Liberty ("Begone, and vanish from my sight")	153
Of all the great old masters' paintings, few indeed (Madonna)	409
Of foreign lands an inexperienced lover	151
Of love, and hope, and quiet glory (To Chaadayev)	167
Oh beauty, do not sing to me	389
Oh, blessed, he picked with choice capricious	347
Oh, if it's true that in the night (Invocation)	217
Oh spring, oh spring, oh time of love	331
Once again the black clouds gather (Foreboding)	397

Our hermit fathers and our nuns blessed and blameless	477
Over the Nevá whip, flapping (The Feast of Peter the Great)	341
O very last cloud of the storm that has scattered (The Cloud)	395
Persecuting all of Russia (Epigram about Arakcheyev)	149
Play on, Adèle (To Adèle)	69
Poet! Care not for love through fame, now or hereafter (To the Poet)	451
Prologue, Ruslan and Lyudmila	
("A green oak tree's by a cove curving")	253
Prologue, The Bronze Horseman	335
Rebirth ("A savage artist, brushstrokes sleepy")	363
Remembrance ("When to most mortals sounds of noisy day do fade")	361
Round Izhora I was riding	379
Scene from Faust ("Demon, I'm bored")	241
Scene from Boris Godunov	277
She is all harmony, all marvel (Beauty)	425
She loves me! I believe! The heart must keep believing (To Dorida)	147
Sometimes when moody reminiscence	365
Shots ring out beyond the hillocks (Delibash – The Turkish Captain)	393
Snowstorm, gloom-filled, heavens drowning (A Winter Evening)	249
Superstitions ("I rode towards you, and waking dreams")	375
Tell me, why was The Kidnaper	51
The Bard ("Have you not heard his voice through groves at night)	129
The Burnt Letter ("Farewell, letter of love, farewell. It was her order...")	237
The Captive ("Imprisoned I'm caged in a dungeon that's dank")	219
The Cart of Life ("Although at times the burden's heavy")	373
The Cloud ("O very last cloud of the storm that has scattered!")	395
The Country ("I'm glad to see you, lonely barren nook")	163
The day's last gleam fades out, is disappearing	171
The Demon ("Back when, to me all things shone newly")	223
The Echo ("If in thick woods a wild beat roars")	447
The faded gaiety of past years' frenzies (Elegy)	481
The Feast of Peter the Great (Over the Nevá whip, flapping)	341
The Flower ("A dried-out flower, without fragrance")	357
The flying wisps of clouds are thinning, scattering far	177
The forest casts its scarlet garments off (October 19th)	267
The last late flowers are more dear	297
The Monastery of Mount Kazbek ("High o'er mountain family")	387
The more we do commemorate	399
The palace gleamed. A chorus thundered (Cleopatra)	469
The Page, or my fifteenth year	
("My fifteenth year I'll soon be reaching")	135
The Poet ("Until the poet by Apollo")	445
The poet walks... his eyes are open (From Egyptian Nights)	467
The Prophet ("With thirsting soul wracked, worn and thin")	449
The Poison Tree ("In fearsome desert, barren, dead")	311
The Storm ("Have you seen, perched upon a cliff")	179
The Steed ("Fiery steed, why are you neighing?")	377

The Talisman ("Where the ocean comes careening")	235
The way I used to be, that way I still am now	327
There's nothing wrong with being Polish (Epigram on Faddey Bulgarin)	319
Though exiled, I observe, still heeding (A Little Bird)	193
Through a mist that's waving, rolling (A Winter Road)	371
To*** ("A wondrous moment I remember")	261
To*** ("No, no, it isn't right, I cannot, I don't dare")	429
To Adele ("Play on, Adele")	69
To a Greek Girl ("You have been born to set afire")	183
To a Kalmyk Girl ("Farewell, dear, pleasant Kalmyk maiden!")	385
To Chaadayev ("Of love, and hope, and quiet glory")	167
To Dorida ("She loves me! I believe! The heart must keep believing")	147
To Ivan Ivanovich Pushchin (My very first, my priceless friend)	305
To my Friends ("For you the gods but briefly will")	143
To Nanny ("My friend through my travails, woes hardest")	329
To Princess Golitsyna, sent with an Ode to Liberty ("A simple child...")	159
To the Sea ("Farewell, farewell, free force of nature!")	225
To the Poet (A Sonnet) ("Poet! Care not for love through fame...")	451
To Turgenev (Excerpts)	161
To Yekaterina Nikolayevna Ushakova ("If they send me far from you")	317
Town so gorgeous, town of beggars	345
Until the poet by Apollo (The Poet)	445
Upon the Georgian hills there lies the haze of night	413
Water and Wine	33
What is there in my name for you?	411
When full of love and bliss I felt complete elation (Wish for Glory)	239
When in the grasp of my embrace	415
When past the city gates in wistful thought I roam	475
When through the noisy streets I wander	483
When to most mortals sounds of noisy day do fade (Remembrance)	361
Where the ocean comes careening (The Talisman)	235
Will you forgive my jealous reverie	437
Winter's chill blasts of wind are still blowing	333
Wish for Glory ("When full of love and bliss I felt complete elation")	239
With thirsting soul wracked, worn and thin (The Prophet)	449
Written on a sleepless night ("I can't sleep, fire's out, no light")	351
You have been born to set afire (To a Greek Girl)	183
You managed to combine a coldness veru heartfelt	145

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адели («Играй, Адель...»)	701
Анчар («В пустыне чахлой и скупой...»)	310
Арион («Нас было много на челне...»)	302
«Беги, сокройся от очей...» (Вольность. Ода)	152
«Безумных лет угасшее веселье...» (Элегия)	480
Бесы («Мчатся тучи, вьются тучи...»)	402
«Близ мест, где царствует Венеция златая...»	440
«Бог помочь вам, друзья мои...» (19 октября 1827)	314
«Богами вам еще даны...» (Друзьям)	142
Борис Годунов (Сцена)	276
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»	482
Буря («Ты видел деву на скале...»)	178
«Буря мглою небо кроет...» (Зимний вечер)	248
В альбом Сосницкой («Вы съединить могли с холодностью сердечной...» Вакхическая песня («Что смолкнул веселия глас?»)»)	144 322
«В еврейской хижине лампада...»	184
«В крови горит огонь желанья...»	256
«В начале жизни школу помню я...»	352
«В отдалении от вас...» (Ек. Н. Ушаковой)	316
«В пустыне чахлой и скупой...» (Анчар)	310
«В степи мирской, печальной и безбрежной...»	320
«В твою светлицу, друг мой нежный...»	206
«В те дни, когда в садах Лицея...»	
Евгений Онегин. Глава восьмая (Из неопубликованной версии)	138
«В те дни, когда мне были новы...» (Демон)	222
«В чужбине свято наблюдаю...» (Птичка)	192
Веселый пир («Я люблю вечерний пир...»)	689
«Весна, весна, пора любви...»	330
Виноград («Не стану я жалеть о розах...»)	180
«Вновь я посетил...»	460
«Во глубине сибирских руд...» (Послание в Сибирь)	306
Вода и вино («Люблю я в полдень воспаленный...»)	665
Возрождение («Художник-варвар кистью сонной...»)	362
Вольность. Ода («Беги, сокройся от очей...»)	152
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день...»)	360
«Всей России притеснитель» (На Аракчеева)	148
«Всё в ней гармония, всё диво...» (Красавица)	424
«Вы съединить могли с холодностью сердечной...» (В альбом Сосницкой)	144
«Высоко над семью гор...» (Монастырь на Казбеке)	386
«Город пышный, город бедный...»	344
Гречанке («Ты рождена воспламенять...»)	182
«Дар напрасный, дар случайный...» (26 мая 1828)	358
19 октября («Роняет лес багряный свой убор...»)	266
19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои...»)	314

Делибаш («Перестрелка за холмами...»)	392
Демон («В те дни, когда мне были новы...»)	222
Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...»)	162
«Для берегов отчизны дальней...»	214
Дориде («Я верю: я любим; для сердца нужно верить...»)	146
Друзьям («Богами вам еще даны...»)	142
«Духовной жаждою томим...» (Пророк)	448
Евгений Онегин. Глава восьмая. «В те дни, когда в садах Лицея...» (Из неопубликованной версии)	138
Евгений Онегин (отрывки из романа)	484
«Если жизнь тебя обманет...»	298
«Еще дуют холодные ветры...»	332
Желание славы («Когда, любовь и негой упоенный...»)	238
Заклинание («О, если правда, что в ночи...»)	216
«Зима. Что делать нам в деревне?...»	380
Зимнее утро («Мороз и солнце; день чудесный!...»)	258
Зимний вечер («Буря мглою небо кроет...»)	248
Зимняя дорога («Сквозь волнистые туманы...»)	370
«Зорю бьют... из рук моих...»	390
«Играй, Адель...»	701
Из «Египетских ночей» («Поэт идет, открыты вежды...»)	488
(Из Пиндемонти) («Не дорого ценю я громкие права...»)	478
«Я жил тогда в Одессе пыльной...» (отрывки из путешествия Онегина)	194
К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...»)	428
К*** («Я помню чудное мгновенье...»)	260
К морю («Прощай свободная стихия...»)	224
К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...»)	166
«Каков я прежде был, таков и ныне я...»	326
Калмычке («Прощай, любезная калмычка!...»)	384
Клеопатра	468
Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность»	158
«Когда б не смутное влеченье...»	434
«Когда в объятия мои...»	414
«Когда для смертного умолкнет шумный день...» (Воспоминание)	360
«Когда за городом, задумчив, я брожу...»	474
«Когда, любовь и негой упоенный...» (Желание славы)	238
«Когда порой воспоминаешь...»	364
Конь («Что ты ржешь, мой конь ретивый...»)	376
«Краев чужих неопытный любитель...»	150
Красавица («Все в ней гармония, все диво...»)	424
«К чему смеяться надо мною...» (Тургеневу (отрывки))	160
«Любви, надежды, тихой славы...» (К Чаадаеву)	166
«Люблю я в полдень воспаленный...» (Вода и вино)	665
Мадонна («Не множеством картин старинных мастеров...») (сонет)	408
Медный всадник. Вступление	334

«Миг вожденный настал: окончен мой труд многолетний» (Труд)	486
«Мне не спится, нет огня...» (Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы)	350
«Мне скучно, бес...» (Сцена из Фауста)	240
«Мой голос для тебя и ласковый и томный...» (Ночь)	204
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»	190
«Мой первый друг, мой друг бесценный!» (И. И. Пущину)	304
Мой талисман («Храни меня, мой талисман...»)	24, 657
Монастырь на Казбеке («Высоко над семьею гор...»)	386
«Мороз и солнце; день чудесный!» (Зимнее утро)	258
«Мчатся тучи, вьются тучи...» (Бесы)	402
На Аракчеева («Всей России притеснитель...»)	148
«На берегу пустынных волн...» (Медный всадник. Вступление)	334
На Булгарина («Не то беда, что ты поляк...»)	318
На Воронцова («Полу-милорд, полу-купец...»)	706
«Надеждой сладостной младенчески дыша...»	220
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	412
«Над Невою резво вьются...» (Пир Петра Первого)	340
«Наперсница волшебной старины...»	130
«Напрасно я бегу к сионским высотам...»	472
«Нас было много на челне...» (Арион)	302
«Не дай мне Бог сойти з ума...»	442
«Не дорого ценю я громкие права...» (Из Пиндемонти)	478
«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...»	232
«Не множеством картин старинных мастеров...» (Мадонна)	408
«Не пой, красавица при мне...»	388
«Не стану я жалеть о розах...» (Виноград)	180
«Не то беда, что ты поляк...» (На Булгарина)	318
«Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...» (К***)	428
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»	422
«Ночной зефир...»	208
Ночь («Мой голос для тебя и ласковый и томный...»)	204
Няне («Подруга дней моих суровых...»)	328
«О, если правда, что в ночи...» (Заклинание)	216
«Октябрь уж наступил – уж роща отряхает...» (Осень) (отрывок)	452
Осень («Октябрь уж наступил – уж роща отряхает...»)	452
Отрывки из путешествия Онегина («Я жил тогда в Одессе пыльной...»)	194
«Отцы пустынноики и жены непорочны...»	476
Паж, или Пятнадцатый год («Пятнадцать лет мне скоро минет...»)	134
Певец («Слыхали ль вы за рощей глас ночной...»)	128
«Перестрелка за холмами...» (Делибаш)	392
Пир Петра Первого («Над Невою резво вьются...»)	340
«Погасло дневное светило...»	170
«Под небом голубым страны своей родной...»	212
«Подруга дней моих суровых...» (Няне)	328
«Подъезжая под Ижоры...»	378

«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...»	368
«Пока не требует поэта...» (Поэт)	444
«Полу-милорд, полу-купец...» (На Воронцова)	706
«Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...»	430
Послание в Сибирь («Во глубине сибирских руд...»)	306
«Последняя туча рассеянной бури!..» (Туча)	394
«Поэт идет, открыты вежды...» (Из «Египетских ночей»)	466
Поэт («Пока не требует поэта...»)	444
«Поэт! не дорожи любовью народной...» (Поэту)	450
Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной...»)	450
«Пред испанкой благородной...»	210
Предчувствие («Снова тучи надо мною...»)	396
«Приветствую тебя, пустынный уголок...» (Деревня)	162
Признание («Я вас люблю, хоть я бешусь...»)	262
Приметы («Я ехал к вам: живые сны...»)	374
Пророк («Духовной жаждою томим...»)	448
«Простишь ли мне ревнивые мечты...»	436
«Простой воспитанник природы...»	
(Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность»)	158
«Прощай, любезная калмычка!..» (Калмычке)	384
«Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...»	
(Сожженное письмо)	236
«Прощай, свободная стихия!..» (К морю)	224
Птичка («В чужбине свято наблюдаю...»)	192
И.И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный...»)	304
«Пятнадцать лет мне скоро минет...»	
(Паж, или Пятнадцатый год)	134
«Ревет ли зверь в лесу глухом...» (Эхо)	446
«Редает облаков летучая гряда...»	176
«Роняет лес багряный свой убор...» (19 октября)	266
Руслан и Людмила. Вступление	252
«Свят Иван, как пить мы станем...»	250
«Свободы сеятель пустынный...»	308
«Сижу за решеткой в темнице сырой...» (Узник)	218
Сказка о царе Салтане (фрагмент)	416
«Сквозь волнистые туманы...» (Зимняя дорога)	370
«Слыхали ль вы за рошей глас ночной...» (Певец)	128
«Снова тучи надо мною...» (Предчувствие)	396
Сожженное письмо	
(«Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...»)	236
Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы	
(«Мне не спится, нет огня...»)	350
Сцена из Фауста («Мне скучно, бес...»)	240
«Счастлив, кто избран своенравно...»	346
Талисман («Там, где море вечно плещет...»)	234
«Там, где море вечно плещет...» (Талисман)	234
Телега жизни («Хоть тяжело подчас в ней время...»)	372

Труд («Миг вожделенный настал; окончен мой труд многолетний»)	486
Тургеневу (отрывки)	160
Туча («Последняя туча рассеянной бури!..»)	394
«Ты видел деву на скале...» (Буря)	178
«Ты рождена воспламенять...» (Гречанке)	182
«Увы! Зачем она блистает...»	174
Узник («Сижу за решеткой в темнице сырой...»)	218
«У лукоморья дуб зеленый...» (Руслан и Людмила. Вступление)	252
«Умолкну скоро я. Но если в день печали...»	188
«Урну с водой уронив...» (Царскосельская статуя)	136
Ек. Н. Ушаковой («В отдалении от вас...»)	316
«Хоть тяжело подчас в ней время...» (Телега жизни)	372
«Храни меня, мой талисман...» (Талисман)	24, 657
Царскосельская статуя («Урну с водой уронив...»)	136
Цветок («Цветок засохший, безуханный...»)	356
«Цветок засохший, безуханный...» (Цветок)	356
«Цветы последние милей...»	296
«Художник-варвар кистью сонной...» (Возрождение)	362
«Чем чаще празднует Лицей...»	398
«Чертог сиял. Гремели хором...» (Клеопатра)	480
«Что в имени тебе моем?...»	410
«Что смолкнул веселия глас?...» (Вакхическая песня)	322
«Что ты ржешь, мой конь ретивый...» (Конь)	376
Элегия («Безумных лет угасшее веселье...»)	476
Эхо («Ревет ли зверь в лесу глухом...»)	446
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	348
«Я вас люблю, хоть я бешусь...» (Признание)	262
«Я верю: я любим; для сердца нужно верить...» (Дориде)	146
«Я возмужал среди печальных бурь...»	432
«Я думал сердце позабыло...»	426
«Я ехал к вам: живые сны...» (Приметы)	374
«Я люблю вечерний пир...» (Веселый пир)	689
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»	484
«Я пережил свои желанья...»	186
«Я помню чудное мгновенье...» (К***)	260
“Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur...”	683
Mon portrait (“Vous me demandez mon portrait...”)	132
“Vous me demandez mon portrait...” (Mon portrait)	132

УДК 82-14-00
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
М748

Мой талисман : Избранная лирика и биография Александра Пушкина : Издание на двух языках с рисунками А.С. Пушкина / Перевод произведений, биография А.С. Пушкина на рус. и англ. яз. Джулиан Генри Лоуэнфельд. – Москва : НО «Издательский центр «Московведение», 2015. – 768 с. : ил.

ISBN 978-5-905118-73-9

Двуязычное русско-английское издание произведений А.С. Пушкина (более 140 стихотворений и почти весь «Евгений Онегин») в переводе Дж. Г. Лоуэнфельда. Им же написана уникальная биография русского классика. Впервые в наиболее полном виде.

Литературно-художественное издание

Знак (12+) в соответствии с ФЗ РФ от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ

МОЙ ТАЛИСМАН

Избранная лирика и биография Александра Пушкина

Перевод и биография поэта Джулиан Генри Лоуэнфельд

Издание на двух языках

MY TALISMAN

Selected verse and a biography of Alexander Pushkin

Translated, with a biography of the poet by Julian Henry Lowenfeld

Bilingual edition

В оформлении книги использованы рисунки А.С. Пушкина из рукописей и выполненные на отдельных листах, также портреты поэта русских художников.

На обложке портрет Пушкина работы О.А. Кипренского и фото Дж. Г. Лоуэнфельда Анны Лабунской.

Подготовлено НО «Издательский центр «Московведение»

Генеральный директор *Ю.Н. Курнешов*

125252, Москва, ул. Зорге, 15. Тел. / факс: 8 (499) 943-23-22

Главный редактор *Е.А. Александрович*, редактор *Ю.Н. Денисов*,
художественный редактор, дизайн обложки *Н.А. Дымова*, ретушь *В.Г. Удовенко*,
вёрстка *М.А. Ковтун*, техническое редактирование *А.И. Немальцина*,
корректурa *Р.С. Шаймарданова*

По вопросам приобретения книги обращаться по тел.: опт – 8 (495) 972-81-75;
8 (901) 546-81-75; розница – 8 (926) 703-90-02 или по e-mail: kykybook@mail.ru,
podariknigi@mail.ru. www.redakzia.ru; www.podariknigi.ru.

Подписано в печать 20.07.2015. Формат 84x108/32. Бум. офсетная.
Гарнитура Нью Баскервиль. Печ. л. 24,0. Усл. печ. л. 40,32. Тираж 2000 экз. Зак.

Отпечатано с готовых файлов в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»
ОАО «Издательство «Высшая школа». 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1
тел.: +7 (4812) 311196; факс.: +7 (4812) 313170, e-mail: spk@smolpk.ru; www.smolpk.ru

ISBN 978-5-905118-73-9

© *Julian Henry Lowenfeld*, 2010, 2015

© НО «Издательский центр «Московведение», 2015